

Инна Баргинская

*Детектив
сильных
страстей*

ЭКСМО

Японский Парфюмер

Инна Юрьевна Бачинская

Японский парфюмер

Серия «Королевская охота», книга 1

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648607

Инна Бачинская. Японский парфюмер: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69677-2

Аннотация

Плоская белая комната, лишённая объёма, залитая беспощадным светом, напоминала декорации к сюрреалистической пьесе. Под потолком сияла большая люстра, горели светильники на стенах, торшер в углу, лампа на журнальном столике. Белая мебель. Пол, белый из-за рассыпанных листов бумаги. Одурачивающий аромат белых лилий в высокой вазе на полу. И в центре мизансцены неподвижная большая кукла – женщина, лежащая на тахте. Белый полупрозрачный пеньюар закрывает её всю до маленьких ступней. Легкомысленная соломенная шляпка, украшенная розовым бантом, скрывает лицо... На негнувшихся ногах я подошла к женщине и осторожно приподняла край шляпки в безумной надежде – это игра, притворство, репетиция новой пьесы, что угодно, только не кошмарная действительность... Тут же я вскрикнула и отдернула руку, увидев мертвые глаза, уставившиеся в потолок, и черную полосу на шее...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	66
Глава 4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Инна Бачинская

Японский парфюмер

Я с тем большей готовностью выпускаю в свет плоды моих причуд, что, хотя они являются моим порождением и ни с кого не списаны, я все же убежден, что нечто подобное найдется у какого-нибудь древнего автора, и тогда наверное кто-нибудь скажет: «Вот откуда он почерпнул их!»
Мишель Монтень. Опыты, кн. 2, гл. 12, Апология Раймунда Сабундского.

Глава 1

Начало всех начал...

День был так себе – влажный, ветреный, настоящий день поздней осени с мчащимися по серому небу облаками, облетевшими деревьями и ранними тоскливыми сумерками.

Телефон взорвался резким, «леденящим кровь в жилах» визгом, и я, привычно ахнув от неожиданности, протянула руку к трубке, пробормотав:

– Не забыть убрать звук... «Королевская охота» слушает! – громко, внятно, с «понтом», как говорит подруга детства Галка.

– Добрый вечер, «Королевская охота»! – услышала я при-

ятный мужской голос. – Я могу попросить к телефону Екатерину Васильевну Берест?

– Екатерина Васильевна Берест слушает! – Галка в таких случаях обычно говорит: «У телефона!»

– Вас беспокоит следователь Заречного райотдела Леонид Максимович Кузнецов. Дело к вам, Екатерина Васильевна, есть важное. Не откажете в помощи?

– Дело ко мне лично или к «Королевской охоте»?

– К вам обеим. – Мужчина хмыкнул, словно обрадовался удачной фразе. – Нам нужно поговорить, Екатерина Васильевна. Не хотелось бы вызывать вас повесткой, официально... Вы располагаете временем для дружеской беседы, скажем, сегодня?

«Просьба следователя – закон!», как любит повторять один из «королевских охотников». Или... приказ?

– Даже не знаю... – заколебалась я, мысленно укоряя себя за неуверенные нотки, прозвучавшие в голосе. – Я сегодня допоздна, дел полно...

– Насколько допоздна?

– До семи-восьми, думаю.

– Детское время! – пренебрежительно сказал Леонид Максимович. – Если вы не против, я буду вас ждать часикам к восьми. Успеете с делами?

– Думаю... успею.

– Ну, вот и славненько! Тогда до встречи. Тринадцатый кабинет. Вы не суеверны?

– Только насчет черных кошек.

Он хмыкнул и спросил:

– Адрес наш знаете?

– Знаю. – Спohватившись, я спросила: – А в чем, собственно, дело?

– А вот когда увидимся, тогда и узнаете, а то скажи вам сейчас, так и не придете, пожалуй. Жду, Екатерина Васильевна. До встречи!

Шутник, однако! «Если вы не против»... Как же, будешь тут против!

«Стоп! – приказала я себе. – Успокойся. Ничего страшного не произошло. Наш сотрудник ни в чем не виноват, он защищал клиента, на которого «наехал» пьяный амбал, ну, и слегка прижал наглеца – сломал ему руку. Есть свидетели. Вроде договорились, кончили миром. Неужели снова начинают копать? И почему другой следователь? Леонид Максимович Кузнецов? Не помню такого... Неужели что-то новенькое всплыло?»

Я уже пожалела, что придется ждать до восьми. Может, позвонить и сказать, что приду пораньше? Нет, все правильно! Пусть не думает, что стоило позвонить следователю, как все тут сразу до смерти перепугались!

* * *

Я постучала в дверь с числом «чертова дюжина» на латун-

ной табличке.

– Войдите! – разрешил знакомый голос.

Вздохнув и не ожидая ничего хорошего, я нажала на дверную ручку.

– Какие люди! – радостно приветствовал меня поднимающийся со своего места мужчина, протягивая руку для пожатия. – Прошу вас! – Он жестом указал на стул рядом со столом. – Какая точность!

Я опустила на стул, и мы некоторое время рассматривали друг друга. Не без удовольствия, надо сказать. Леонид Максимович был видным мужчиной в диапазоне от сорока до пятидесяти. Типичные приметы следователя из криминального романа были налицо: усталые пронизательные глаза, печальная усмешка человека, знающего о жизни нечто такое, что вам и не снилось; остывший чай с лимоном в тонком стакане; неременная кипа бумажных папок, черный, выдавший виды телефон на столе и пепельница, полная окурков, – классика.

А Леонид Максимович, в свою очередь, смотрел на посетительницу, сидящую перед ним на краю стула, и думал о том, что времена действительно переменялись, раз такая славная молодая женщина выбрала себе настолько необычное занятие.

– А скажите мне, пожалуйста, Екатерина Васильевна, – начал он, – почему ваше...

– ...предприятие называется «Королевская охота»? – под-

хватила я, и мы рассмеялись.

– Умение читать чужие мысли – неперенное качество всякого уважающего себя детектива, это мне ясно. И все-таки: почему «Королевская охота»?

– Да нипочему, просто для красоты. Знаете, хочется чего-нибудь возвышенного, незаурядного. Всякие там «Щиты и мечи», «Надежные охраны», «Следопыты», «Барсы» и «Тигры» не будоражат воображение. Тем более «Арго», «Вагриусы» и «Ренолты». То ли дело – «Королевская охота»! Дух рыцарства, кавалькада одетых в разноцветные наряды всадников, звук победных труб в честь героя, загнавшего зверя, и вообще...

Поймав любопытный взгляд хозяина кабинета, я вспыхнула, проглотила конец фразы и замолчала. Разговорилась не вовремя!

«Нервничаешь, никак? Возьми себя в руки, закрой рот и слушай!» – приказал внутренний голос по имени Каспар, существо въедливое и занудное в отличие от почти тезки – милого привидения из мультяшек. «Встреча со следователем – не повод для болтовни!»

– Название довольно дамское, я бы сказал, – заметил Леонид Максимович. – Сами придумали?

Я кивнула:

– Сама.

– Удивительно. И как бизнес? От клиентов отбоя нет?

– Репутация у нас солидная, и круг заказчиков... тоже.

– Как вам пришло в голову заняться детективной практикой, Екатерина Васильевна? У вас юридическое образование?

– Нет, я учительница английского языка. И я вовсе не занимаюсь детективной практикой. «Королевская охота» – не детективное бюро. Я не знаю, откуда у вас эта информация. Мы предоставляем личную охрану, телохранителей.

– Я объясню, откуда... попозже. Между прочим, я всегда думал, что те, кого нужно защищать, имеют постоянную охрану, и наемная им ни к чему.

– Ошибаетесь. Можно иметь личную охрану и тем не менее прибегать к наемной.

– Это когда же, например? – заинтересовался он.

– Когда вам предстоит сверхважная встреча, и вы боитесь утечки информации через вашу личную охрану или просто не хотите лишних свидетелей. Мы готовы прийти на помощь и предложить самых лучших людей, которых можно нанять за деньги. Наши люди владеют приемами борьбы, умеют пользоваться огнестрельным оружием и способны держать язык за зубами. Кроме того, детали предстоящей работы – где, когда и с кем в группе они работают – им сообщают буквально за час до операции. И никаких имен, заказчик абсолютно анонимен. Заказы принимаются по телефону за несколько дней, причем называется только дата, время и количество «охотников». Деньги за услуги переводятся на наш счет в банке. О месте сообщается по телефону за два

часа до встречи.

– И это все придумали вы сами? Учительница английского языка?

– Это придумал прежний владелец бюро, Андрей Николаевич Скобелев, всю свою жизнь проработавший в милиции. – И, предупреждая возможный вопрос, добавила: – Его уже нет, умер от сердечного приступа. Два года назад...

– И вы купили бизнес у его вдовы?

– Нет, мне он достался по наследству. Андрей Николаевич был мой дядя, брат мамы.

– А как же ваше заведение называлось при жизни дяди?

– «Щит и меч», разумеется! – Я с трудом сдержала улыбку.

– Понятно. Очень интересно, Екатерина Васильевна, хотя вы и рассказали о деятельности предприятия лишь схематично. Воображаю, насколько интересны детали. Надеюсь, когда-нибудь мы обсудим их поподробнее...

– Леонид Максимович, а вам знакомо понятие «коммерческая тайна»? Так что детали, если придется, будем обсуждать в присутствии моего адвоката.

Он хмыкнул.

– Устал я от адвокатов, Екатерина Васильевна. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. О ваших знакомых, например.

– О моих знакомых? – удивилась я. – О ком именно?

– Ну, например, о Елене Владимировне Ситниковой.

– О Елене Владимировне Ситниковой? – удивилась я. – У

меня нет такой знакомой!

– А вы не спешите, подумайте, я вас не тороплю. Вы могли знать ее в школе или в институте, возможно, еще раньше. Правда, под другим именем. Ее девичья фамилия Горностай.

– Ситникова или Горностай... – Я задумалась. – Нет! Первый раз слышу. Честное слово! – вырвалось у меня.

Каспар кашлянул: «Не зарывайся, больше хладнокровия!»

– Не торопитесь, Екатерина Васильевна. Знаете, недавно мне позвонил некий персонаж по имени Петр Клык. А я, представьте, абсолютно не помню никакого Петра Клыка. Да разве ж человека с таким именем забудешь? А оказывается, случился такой в моей жизни лет двадцать назад. Проходил свидетелем по одному нашумевшему делу. Тогда думал, век его не забуду, так он меня достал своим ослиным упрямством, детским враньем, способностью забывать собственные показания. Но встретились, знаете ли, как старинные приятели, посидели у меня дома, поговорили «за жизнь». Так что не торопитесь, подумайте. Возможно, она обратилась к вам за помощью...

Воцарилось молчание. Я задумалась, перебирая в памяти разные периоды своей жизни.

– Нет, – сказала наконец, – не знаю я никакой Ситниковой-Горностай. Не случилось такой в моей жизни. И за помощью она ко мне не обращалась.

– Жаль, – вздохнул Леонид Максимович. – Ну, что ж, бы-

вает! Отрицательный результат – тоже результат. И тем не менее... тем не менее. Вас не затруднит взглянуть на эти фотографии, Екатерина Васильевна? Возможно, вы узнаете кого-нибудь.

Он достал несколько фотографий из лежащей перед ним папки и разложил на столе. Я придвинулась поближе. Это были фотографии молодых женщин, очень разных – длинноволосых, с короткими стрижками, блондинок и темноволосых...

В изображениях человеческих лиц есть своеобразная магия. Будь то картина или фотография. Мысль не моя, кто сказал – не помню, наверное, художник, фантазер или философ. Они – застывший слепок мгновения, которое больше никогда не повторится. И с каждой секундой они уходят все дальше и дальше от оригинала, пока связь между ними не порвется окончательно. И тогда они начинают жить собственной жизнью. Лица на фотографиях, лежавших передо мной – улыбающиеся, серьезные, безразличные, – были одинаковы лишь в одном – в своей неузнаваемости. Все они были мне незнакомы. Впрочем... постойте! Я взяла одну из фотографий, присмотрелась...

– Я не уверена, но мне кажется, я ее знаю. Ее зовут Диана.

– Ваша знакомая?

– Нет! Это была случайная встреча. Я виделась с ней совсем недавно, три недели назад. Правда, здесь она выглядит по-другому... если это она. Я... не уверена.

– А в чем разница?

– Здесь она какая-то сонная, я имею в виду, спокойная, а та была... – Я запнулась, подыскивая слова. – Экзальтированная, истеричная, какая-то дерганая...

– А можно поподробнее о вашей встрече?

– Можно. Она позвонила в шесть двадцать вечера, спросила «главного детектива». Это было, кажется, двадцатого октября... или двадцать второго. Я отметила в календаре. Она хотела поговорить об «очень важном деле». Я попыталась объяснить ей, что мы не детективное агентство и вряд ли сможем помочь, но она перебила меня и стала говорить, что ей нужно поговорить с надежным человеком и все ему рассказать, что речь идет о жизни и смерти, а потом заплакала. И все это бессвязно, как в бреду, заикаясь, глотая слова. Я просто не знала, что делать... спросила, где она находится. «Тут, рядом с вами, – отвечала она, – через дорогу, в скверике». И добавила, причем с таким надрывом: «Ну, пожалуйста, пожалуйста, спасите живую душу!»

Знаете, я даже испугалась. Ладно, думаю, пусть выговорится. Пригласила ее к себе, она наотрез отказалась прийти – за ней якобы следят. И снова горячечный бред и слезы. Я подумала: может, вызвать полицию или «Скорую», но потом любопытно стало, да и жалко... мало ли, что там случилось, – и я вышла к ней. Она ожидала меня на скамейке в парке рядом с нами. Молодая, дорого одетая, но... какая-то странная и старомодная – в шляпке с вуалью! И она

все время промакивала заплаканные глаза кружевным носовым платочком. Просовывала руку в перчатке под вуаль и... Понимаете, это было как-то необычно и неестественно... Я еще подумала, что она могла бы приподнять вуаль. Уже потом мне пришло в голову, что она, видимо, не хотела, чтобы я ее рассмотрела. Правда, я пыталась, но было темно, и скамейка далеко от фонаря... Я не поручусь, что это она. Очень похожа, но, сами понимаете... – Я пожала плечами. – И еще! От нее просто разлило духами! И это тоже было странно: женщина в таком состоянии не думает о духах...

– Она назвала себя?

– Она сказала, что ее зовут Диана.

– Диана... а фамилия?

– Она не назвала фамилии. Только имя – Диана.

– Чего же она хотела?

– Понятия не имею! – Я пожала плечами. – Я ничего не поняла. Она рыдала, хватала меня за руки, говорила о грозящей опасности, о том, что ей нельзя оставаться одной, что ее все время должен сопровождать телохранитель.

– Телохранитель – это по вашей части, не так ли?

– Так. Но... что-то все-таки было не так. Все преувеличено, с надрывом, как в бреду, и ничего по существу. И потом – эта вуаль, сильный запах духов... Я даже подумала, что она пьяна, но от нее не пахло алкоголем... Может, наркотики?!

– И что же было дальше?

– Ничего. Минут через пятнадцать она, словно по коман-

де, перестала плакать, спрятала носовой платочек в сумочку и протянула мне руку... причем перчатку не сняла. Сказала, что рада была познакомиться и что еще позвонит. Знаете, как будто ее выключили. Даже улыбнулась. И ушла. Я потом уже подумала, что ей нужен был не детектив, а психиатр. Больше она мне не звонила. Пока. Наверное, все в порядке.

– То есть неизвестная женщина попросила у вас помощи, сообщила, что ее преследуют, что ей угрожают, и вы, несмотря на то что ваша профессиональная сфера – охрана, а не детективные услуги, согласились увидеться с ней. Зачем?

Я задумалась. Вопрос следователя прозвучал довольно жестко. Другими словами: поиграть в детектива захотелось? От скуки? Поиски приключений?

– Не знаю. Человек звал на помощь... Еще... любопытство, наверное... – промямлила я. – И жалко стало, не смогла отказать. А как бы вы поступили на моем месте? – пошла я в наступление. – Она рыдала и умоляла поговорить с ней! А в чем, собственно, дело? Она что, ограбила кого-нибудь? Убила?

– На вашем месте... Вы правы, Екатерина Васильевна, возможно, я встретился бы с ней. Но я детектив в отличие от вас. Так чего же она от вас все-таки хотела?

– Не знаю! Она рыдала... а потом ушла. А что случилось?

– А случилось то, что женщина эта умерла.

– Как умерла? – ахнула я. – Но... почему? Она... ее... что?

– Предполагается самоубийство, Екатерина Васильевна.

Во всяком случае, ее смерть выглядит как самоубийство. Вы же понимаете – мы прорабатываем все версии.

– Но как же... Как это случилось? – заикаясь, повторила я.

– Отравление стрихнином.

– Стрихнином?

– Это такой яд, алкалоид, извлекается из растения чилибуха, которое произрастает в Азии и... других странах. Слышали? В небольших дозах стрихнин используется в медицине как стимулятор, в больших... это яд. Кстати, из этого же растения выделяется другой сильный яд – кураре.

– Который у индейцев на стрелах?

– Он самый.

– А как вы узнали обо мне?

– Мы нашли номер вашего телефона в ее сумочке.

– Просто не верится! – вырвалось у меня. – Никогда бы не подумала, что она способна на... такое.

– Но вы же сами сказали, что с психикой у нее было не все в порядке. Кстати, ваше яркое описание – ключ к ее характеру и, возможно, к самоубийству. – Он испытующе смотрел на меня.

Я задумалась. Что-то было не так... Психика... действительно... Я словно слышала ее голос – истеричный, эмоциональный, с хрипотцой, которая еще тогда показалась мне неестественной...

– Понимаете, если бы она не ушла так деловито после слез, истерики... С ней была истерика, она рыдала, хватала

меня за руки, а потом вдруг оборвала себя, попрощалась и ушла. Как-то странно...

– От людей с расстроенной психикой можно ожидать всего, чего угодно, Екатерина Васильевна.

– Наверное. А когда это случилось?

– Двадцать восьмого октября.

– Через неделю после нашего разговора... А как... кто ее обнаружил? Родные?

– Нет, соседка. Утром двадцать восьмого октября ее муж, Ситников Александр Павлович, улетал в командировку в Германию. В аэропорту они были вместе, она его провожала. Около двух она вернулась домой, ее видели соседи, и больше, видимо, не выходила. Муж позвонил ей на другой день, двадцать девятого, из Франкфурта, но не застал. Вернее, она уже была мертва к тому времени, так как умерла около полуночи двадцать восьмого. Он позвонил домой еще несколько раз, а потом набрал соседке и попросил сходить к Елене. Та, не достучавшись, позвонила участковому. Дверь взломали и обнаружили ее в постели мертвой. Никаких следов присутствия чужого человека, никаких окурков, остатков ужина на двоих, чашек с ядом, а также следов взлома или отмычки. Все чисто. стакан сока на тумбочке у кровати – тоже чистый, отпечатки пальцев ее собственные. Так что очень может быть, что самоубийство.

Мы помолчали. Я была подавлена. Сцена в парке приобрела трагический смысл. Ей нужна была помощь, а я... Бед-

ная женщина!

– А... – начала было я, но, взглянув на Леонида Максимовича, так ничего и не сказала.

– Спрашивайте, – разрешил тот, – вам можно, ведь мы почти коллеги. Кроме того, я верю в женскую интуицию. И логику.

– Я просто подумала... что яд должен был где-то храниться...

– В одной из ее сумочек был найден обрывок листка из блокнота со следами стрихнина. Блокнот ее собственный, мы даже нашли место, откуда этот листок был вырван. Еще вопросы?

– А где она взяла яд?

– Пока не знаем.

– А что говорит муж?

– Муж не говорит ничего такого, что могло бы объяснить эту смерть. Молодая, красивая, хорошо обеспеченная женщина тридцати двух лет. Никаких тайных хворей, никаких явных врагов или неприятностей на работе, уже хотя бы потому, что она не работала. Типичная мужняя жена, вся жизнь на виду.

– Может, депрессия? Муж должен знать...

– Он не упоминал ни о чем подобном. Равно как и другие – соседи, друзья и знакомые. Правда, полтора года назад она пережила потрясение, вызванное гибелью сестры, с которой была очень близка. Но, согласитесь, кончать самоубийством

из-за этого спустя столько времени... вряд ли. Я еще понял бы, если бы сразу... Да нет, впрочем, и сразу – тоже сомнительно. Не кончают самоубийством, потеряв сестру или брата, даже самых любимых. Вы согласны?

– Согласна. А что случилось с ее сестрой?

– Ее сбила машина. В мае прошлого года, недалеко от дома, где она жила, на улице Гоголя. Были очевидцы, они-то и вызвали «Скорую» и полицию. Она скончалась, не приходя в сознание, по дороге в больницу. Машину, сбившую ее, не нашли. Такие вот дела, Екатерина Васильевна. Что-то я заболтался, – спохватился вдруг Леонид Максимович, – все тайны следствия выдал. Что значит – красивая женщина, так и хочется произвести впечатление. – Он взглянул на часы: – Ого, половина десятого! Давно пора отпускать вас домой, Екатерина Васильевна, но вы же знаете, какие мы все здесь бюрократы. Вот вам бумага, ручка, располагайтесь удобнее, а я еще пару дел просмотрю.

Минут через сорок, провожая меня к двери, он говорил:

– Не пропадите, Екатерина Васильевна, звоните, телефон мой у вас есть. Просто так звоните, узнать как мы тут живы-здоровы. Приятно было познакомиться. Жаль, времени мало, а то мы бы с вами еще и о женской логике поговорили.

Выйдя на улицу, я глубоко вдохнула холодный и сырой ночной воздух. Домой, скорее домой! Крепкого чаю и в постель – вот и все, что сейчас нужно. Мне посчастливилось

поймать такси, и через двадцать минут я поднималась на крыльцо собственного дома, нашаривая в сумочке ключ от двери.

За полгода до смерти дядя Андрей спросил, что мне больше нравится – его городская квартира или дача.

– Конечно, дача, – не задумываясь, ответила я.

– Значит, тебе оставлю, – постановил старик. – А квартиру – Кольке!

Колька был моим двоюродным братом и единственным племянником Андрея Николаевича. Как чувствовал старик...

Дачу он строил своими руками, долго, не торопясь, с наслаждением – подгоняя каждую доску. Сам сложил печку. Когда-то большой, дачный поселок усох до трех-четырёх десятков домиков, которые все грозились снести, чтобы освободить место для новостроек, да, видимо, потеряли из виду, окружив многоэтажками. Дом был невелик – две комнаты, кухня и веранда. И кусочек земли, где умещались три яблони, молодой орех и персик, который красиво цвел весной, но плодов не давал. Были еще розы.

За два года я так и не привыкла к своей собственности. Дом был для меня неиссякаемым источником радости. Слова «иду домой», «дома», «мой дом» приобрели совершенно новый смысл. Даже звучали по-другому!

Я достала из холодильника пакет с молоком, из шкафа – хлеб и любимое абрикосовое варенье и присела к столу, уста-

вившись в пространство. Мысли мои были путаными и бессвязными и сводились к вопросу: «Что же делать?» Допив молоко, я послонялась по дому, включила и выключила телевизор, взяла книгу, начатую накануне, и сразу же отложила. Подошла к окну, прижалась лбом к стеклу. Скрипел, мотаясь на ветру, жестяной фонарь с полумертвой лампочкой, место которому было в краеведческом музее, в отделе «Родной город на рубеже веков»; гнулись тонкие стволы деревьев; крупные капли дождя тяжело плюхались на подоконник. Пустая улица напоминала гротескные театральные декорации...

– Хочешь ввязаться? – возник ниоткуда Каспар.

Я пожала плечами.

– Тебе ее жалко?

– Жалко. Бедная женщина...

– Но не только поэтому? – нудно выпытывал он.

– Не только.

– Чувствуешь себя виноватой?

– А что я могла сделать?

– Ты не ответила!

– Тебе не надоело? Прокурор выискался! Да, я чувствую себя виноватой. Признаю себя виновной. Доволен?

– В чем же?

– Ну... я могла попытаться узнать о ней побольше, расспросить, успокоить, пообещать помощь. Обнять, погладить по головке, наконец!

– Она была в шляпе!

– Образно выражаясь. Отстань, а? Взять за руку, отвести домой... И тогда, может, она осталась бы жива. Иногда достаточно любой мелочи, чтобы человек передумал, – участия, доброго слова...

– Ты действительно веришь, что могла бы помешать ей... умереть?

– Не знаю... Верю? Нет! В том-то и дело, что я не верю, что ей действительно нужна была помощь! Что-то было не так. Все было не так! Рыдания, слезы, отчаянные всхлипывания, кружевной платочек, все как полагается, но словно понарошку, не в жизни, а в кино. Всего с избытком, как в пьесе дилетанта!

– Пытаешься оправдаться? Судя по тому, что она мертва, причина просить о помощи у нее все-таки была.

– Но... в том-то и дело, что она ни о чем не просила!

– Человек звонит, умоляет о встрече, плачет, и... ничего?

– Представь себе! Ничего, ровным счетом. Поднимается и чуть ли не с улыбкой уходит. Обещает перезвонить. Да ты и сам все слышал.

– Но тогда в чем же твоя вина? – развел руками Каспар.

– Ни в чем, наверное.

– Может, просто любопытство? Простое нормальное человеческое любопытство? Желание сунуть нос и разнюхать: что же там случилось на самом деле? Самоубийство или... нет? Может, убийство?

– Нормальное человеческое любопытство! Может, хва-

тит? Я устала и хочу спать. – Я зевнула.

– А может... – продолжал зудеть Каспар.

– Отстань!

– Сейчас! Дослушай, пожалуйста. Ты прекрасно знаешь, о чем я. Тебе же *до смерти* хочется... ох, извини, не к ночи будь помянуто! Тебе же *очень* хочется продемонстрировать замечательную женскую интуицию, о которой говорил следователь. Найти то, чего *они* не заметили, не поняли и не истолковали как надо. Вставить им фитиль! Ну, признайся! Хочется?

– И в мыслях не было ничего подобного! Не выдумывай!

– Так бы и говорила! – хмыкнул Каспар. – Спокойной ночи, госпожа сыщица!

Глава 2

Ситников и другие

Утренний мир был чисто вымыт ночным ливнем и высушен легким теплым ветерком. Тучи, освободившись ночью от лишней влаги, превратились в ослепительно-белые облака, парусниками мчащиеся по синему небу. Потоки воды с небес сорвали последние желтые листья с деревьев, теперь их обнаженные ветви выглядели вполне по-весеннему. Если притвориться, что не замечаешь пестрого шуршащего ковра под ногами.

Восемь утра. Радиостанция «Народный маяк» в лице неизменного ведущего Сева Миркина жизнерадостно пожелала своим слушателям доброго утра и, напомнив о прямом эфире, пригласила звонить. Моя любимая передача, между прочим, – вокс попули, так сказать, кладезь глубокой народной мудрости и такой же глупости. Спрашивайте – отвечаем. Слушатели не заставили себя упрашивать. Раздалась первая мелодичная трель... Первая ласточка!

– Нам звонит Светлана Николаевна, – бодро объявил Сева Миркин. – Алло, Светлана Николаевна, говорите, вы уже в эфире.

– Здравствуйте, уважаемая передача! Я давно собиралась позвонить вам... – произнес женский голос и наступила ти-

шина.

– Смелее, Светлана Николаевна, – подбодрил Сева. – Мы вас внимательно слушаем.

– Да, я сейчас... я вот что хочу сказать... – зашпешила женщина. – Вот тут вчера один *выступатель* говорил, что... если... это... – И снова тишина.

– Светлана Николаевна! – позвал Сева. – Где вы? Ау! – Пауза. – Передумала. Ой! У нас следующий звонок! Говорите, вы в эфире!

Я не стала слушать следующего *выступателя* и отключилась, в очередной раз дав себе слово записывать народные радиоперлы. Сейчас мне было не до того – я обдумывала одну интересную идею. Щелкнула кнопкой кофейника, достала из буфета сахар, намазала хлеб маслом, положила перед собой городской телефонный справочник и уселась завтракать. Жевала хлеб, пила кофе и листала справочник.

Ситниковых в городе было трое. Леонид Максимович назвал Ситникова Александром Павловичем. Вот он, Ситников А. П. Звоним? Единственный А. П., других все равно нет. Эй! Ты где?

Но Каспар молчал, притворяясь глухонемым с девизом: «В дурацких затеях не участвуем!» Чтобы потом сказать: «Ага, я же говорил!»

Длинные гудки... какие-то глухие, хриплые, как из преисподней. Мне вдруг пришло в голову, что я не продума-

ла тактику допроса. С чего начать? Как перейти от простого к сложному и усыпить бдительность? Немедленно положить трубку и прорепетировать хотя бы первую фразу! Поздно! На том конце уже откликнулись.

– Да! – Коротко, напористо, нетерпеливо. Хрип-лый мужской голос. Похоже, не проснулся еще.

– Доброе утро, – начала я.

– Ну! – потребовал голос.

Что «ну», спрашивается?

– Меня зовут Екатерина Васильевна Берест... Мне нужно с вами поговорить, – пролепетала я. Да что это со мной? Хамский тон этого типа вогнал меня в ступор.

– Кто вы такая?

Я вдруг с ужасом подумала, что это может оказаться совсем другой человек, но отступать было некуда...

– Понимаете, так получилось... я виделась с вашей женой три недели назад и...

– Что вам нужно? – перебил он.

Манеры, однако!

– Нам нужно встретиться, я все расскажу при встрече... – Я с отвращением прислушивалась к своему торопливому, какому-то чужому голосу и умоляющим, тоже чужим, интонациям.

– Вы из полиции?

– Нет! Я все объясню вам при встрече.

Наступило молчание.

– Лады, – сказал он наконец. – Сегодня в семь. Адрес знаете? Записывайте...

* * *

Уф! Ввязалась. Теперь можно сесть и спокойно подумать, на фиг мне это нужно. Дядька всегда повторял: главное – связаться, а там посмотрим.

– А вдруг он убийца? – прошептал Каспар. – А ты лезешь?

– А вдруг он не убийца? Тогда можно?

Каспар не ответил – видимо, задумался.

... День выдался на редкость спокойный. Я переделала массу дел: привела в порядок архив, заполнила все текущие финансовые документы – случай в истории «конторы», как называет нас друг сердечный Юрий Алексеевич Югжеев, небывалый. Выпила кофе, съела шоколадку, подаренную «королевским охранником» Витенькой Павленко, и просмотрела последние новости в Инете – из области политики, криминала и высокой моды.

Погода была замечательная – легкий утренний туманец исчез, и неяркое солнце мягко освещало мир теплым золотистым светом. Через окно был виден прозрачный парк с темными тонкими деревьями и скамейка – та самая, на которой совсем недавно меня ожидала женщина по имени Диана. Сейчас на ней сидела полная молодая мамочка с книгой на коленях, поминутно заглядывавшая в коляску со спящим

младенцем.

Время от времени звонил телефон. Звонили новые клиенты, которые в отличие от старых ничего или почти ничего не знали о «Королевской охоте», но, увидев объявление в газете или в Интернете, очень хотели узнать, и я добросовестно отвечала на вопросы. Позвонил мужчина, спросивший, можно ли нанять сыщика, чтобы выследить супругу, которая, судя по всему, с кем-то спуталась. Позвонила женщина и сообщила о пропавшей собаке, добермане по кличке Кайзер. Она плакала, так как «эти люди будут кормить собаку чем попало, а у нее очень нежный желудок, потом не восстановишь...»

И так далее, и тому подобное. Звонили солидные люди с уверенными голосами, знающие чего хотят, и я оформила два заказа.

Все на свете рано или поздно кончается. Подошел к концу и этот день. В начале седьмого я подходила к многоэтажке, удачно расположенной в тупичке, вдали от городского шума, и вместе с тем – рукой подать до центра. Я намеренно пришла раньше, чтобы не спеша осмотреться. Подруга детства Галка называет это занудством. Сама же она всюду опаздывает...

На скамейке у второго (кажется, «мой»!) подъезда сидел красивый, библейского вида старик с закрытыми глазами, скрестив кисти рук на собачьей голове – набалдашнике масливной трости. Казалось, он дремлет или внимательно при-

слушивается к голосам внутри себя. Я осторожно опустилась рядом. Старик, не открывая глаз, сказал звучным приятным голосом, чуть подвывая:

Если встретишь меня, не узнаешь!
Назовут – едва ли припомнишь!
Только раз говорил я с тобою,
Только раз целовал твои руки...¹

Он открыл глаза и улыбнулся:

– Я так и знал, что вы молоды и красивы!

Я рассмеялась.

– Владимир Михайлович Ненахов, бывший служитель муз, ныне – скромный пенсионер. К вашим услугам! – Старик привстал и церемонно поклонился.

– Екатерина Васильевна Берест, учительница английского языка.

– Екатерина! – воскликнул новый знакомец. – Какое необыкновенно редкое по теперешним временам имя! Единственная известная мне Екатерина насчитывает восемьдесят лет от роду. Молодых Екатериин просто не существует. До момента нашей встречи я был уверен в этом, но вы меня разубедили. Вы и ваше имя – как праздник слуха, зренья, осязанья! Извините ради бога за последнее. И я думаю, я знаю, зачем вы здесь. Я все, к сожалению, знаю. Таков недостаток

¹ Из стихов Н. Гумилева.

моего возраста. Вы мне верите?

– Верю. Правда, я и сама еще не знаю, зачем я здесь.

– Вы меня заинтриговали, молодая леди! Но тем не менее хотите, я вам скажу, зачем вы здесь?

– Хочу! Вы меня тоже заинтриговали.

– Итак, попытка номер один. Вы репетитор лоботряса из восьмой квартиры. Не далее как сегодня утром его мамаша сообщила мне, что наняла репетитора по английскому языку. И вы пришли на урок. Я прав?

– Нет, не правы!

– Облом, как говорит молодняк! Вторая попытка. Вы – подруга Витюши из одиннадцатой, герлфренд по-вашему, по-аглички. Вы спросите, откуда мне сие известно? Дедукция, одна дедукция и больше ничего. Мне по секрету сообщили, только не спрашивайте кто, что у него новая подружка, красавица, серьезная и вся из себя, не то что прежняя, которую весь дом не любил по причине сомнительного вида и отсутствия манер – она никогда не здоровалась. Ну-с, как на сей раз? Не спешите, подумайте хорошенько, не могу же я все время ошибаться!

– Нет, к сожалению, с Витюшей из одиннадцатой я тоже незнакома.

– С вами неинтересно, вы все время мне противоречите! В мое время молодые барышни были скромнее. Признавайтесь немедленно, зачем вы здесь?

– У меня деловое свидание, – сообщила я. Противосто-

ять дружелюбному любопытству замечательного старика было просто невозможно.

– «Деловое свидание», бизнес-встреча, так бы и сказали. К Симеонову из пятой.

– К Ситникову Александру Павловичу.

– К Саше? – удивился старик.

– Вы его знаете?

– Мы тут все друг друга знаем. И Леночку, жену Сашину, тоже знали. Знали и любили. Вам, конечно, известно, какая трагедия тут у нас случилась? А вы не из полиции, часом?

– Нет, не из полиции. А о Леночке не только слышала, но и встречалась с ней за три недели до ее смерти.

– Несправедливо устроен мир – молодые уходят, а старики вроде меня остаются, – вздохнул он...

Воцарилась печальная тишина. Уже стемнело, и начал накрапывать неуверенный мелкий дождь. Издалека слабо доносился шум улицы.

– А идемте-ка ко мне, Екатерина! – сказал вдруг Владимир Михайлович. – Я вас чаем напою. А Сашину машину мы услышим, я узнаю ее безошибочно. Не мокнуть же вам на улице. Да и темно уже, а? Пошли!

Я была благодарна старику за участие. Я вдруг осознала ненужность и легкомыслие своей затеи. То, что случилось, было действительно трагедией, а я тут развлекаюсь, детективные игры затеваю. Сыщица! Мне уже расхотелось встретиться с Ситниковым.

– Спасибо, – сказала я, – с удовольствием.

Жилище может многое сказать о хозяине. Оно может сказать, например, что человек одинок. В жилище одинокого человека даже пахнет по-другому. В квартире старого актера пахло застарелым табачным дымом, затхлостью и пылью. Книжные полки до потолка были заставлены книгами, альбомами и папками. История мирового театра, английский театр, Бен Джонсон, Марло, Шекспир, Мольер, книги по оккультизму, белой магии, многочисленные сонники. Театральные афиши, фотографии актеров в костюмах разных эпох. Одна из фотографий на стене привлекла мое внимание. Крупный мужчина с красивым породистым лицом, в руке – кинжал, сидит в роскошном кресле с высокой спинкой, вытянув длинные ноги в белом трико. Внизу фотографии – крупный, размашистый росчерк, в котором угадывалось знакомое имя. Эту фотографию я видела в детстве в бабкином альбоме. Я подошла ближе. Неужели автограф... подлинный?

– Да, – сказал с достоинством Владимир Михайлович, отвечая на незаданный вопрос, – это Федора Ивановича Шаляпина собственная рука. Здесь он в роли Демона. Подарено моей тетке, Анастасии Семеновне Стрепетовой, в году одна тысяча девятьсот восьмом, во время гастролей в Харькове. Бедная женщина едва не помешалась, не на шутку влюбившись в своего кумира. И чуть не осталась старой девой. Потом, правда, вышла замуж за судебного пристава. Семейная

реликвия, Катюша. Можно я буду называть вас Катюшей? Семейная реликвия и предмет вожделения нашего театрального музея. Вообще у меня много интересных вещей. Если мы подружимся – покажу.

Мы допивали вторую чашку чая, успев обсудить современные театральные сплетни и обменяться мнениями о международной обстановке, разгуле свободной прессы и падении нравов, когда Владимир Михайлович вдруг сказал после паузы:

– Знаете, до сих пор не могу прийти в себя после смерти Леночки... такой нелепой! Все думаю – почему? Она была такая славная девочка – красивая, милая, в ней был класс! Говорят, самоубийство. Возможно, вам неизвестно... не так давно погибла ее сестра. В прошлом году, весной. Леночка очень болела тогда. Но время такой замечательный лекарь. Я был уверен, что она оправилась. Выходит, я ошибался. Вы сказали, что видели ее незадолго... Вы были с ней знакомы?

– Нет, она позвонила мне и попросила о встрече.

– А вы кто, извините?

– Я работаю в охранном предприятии.

– Ей нужен был охранник? – Старик пытливо всматривался в мое лицо. – Зачем? Она сказала?

– Не сказала. Это была предварительная беседа. Мы должны были встретиться еще раз, но не получилось.

Вдруг раздался странный звук – не то вздохнул кто-то, не то застонал. Я испытала мгновенный ужас, холодком мазну-

ло вдоль позвоночника. Стали бить большие напольные часы – размеренно, длинно. В их низком тягучем звуке чувствовались печаль и безысходность.

– Саша приехал! – сказал неожиданно старик.

Я подошла к окну и увидела черный массивный автомобиль и невысокого человека, который, захлопнув дверцу, направился к подъезду.

– Я думаю, мне пора. – Я поднялась. – Спасибо за приют.

– Не стоит, – отвечал старый актер, – я замечательно провел вечер. Интересный собеседник для меня теперь большая редкость и большая роскошь. Старики никому не нужны, к сожалению. Мир становится хуже, жесточе, и я все меньше и меньше понимаю, что происходит... Это не мое время. Я, видимо, зажился.

Он сидел, опустив плечи, сложив перед собой на столе руки с крупными голубыми венами; в глазах его, старчески светлых, была усталость.

– Я смерть зову, —

вдруг сказал он негромко, и я вздрогнула.

– Мне видеть невтерпеж

– Достоинство, что просит подаянья,

– Над простотой глумящуюся ложь,

– Ничтожество в роскошном одеянии...²

² У. Шекспир. Сонет 66. Перевод С. Маршака.

Я чувствовала жалость и неловкость...

– Прощайте, сударыня!

– А какая квартира у Ситникова? – Я вдруг вспомнила, что не знаю номера ситниковской квартиры. – Шестнадцатый этаж, а квартира?

– Там всего одна квартира, – сказал хозяин, и что-то... странная интонация, странный акцент... проскользнуло в его голосе.

Я вышла, осторожно прикрыв за собой дверь. Он не поднялся меня проводить...

* * *

На шестнадцатом, последнем, этаже действительно была только одна квартира. Остальных как бы и не было вовсе. Я знала, что состоятельные люди покупают по две-три квартиры на одной лестничной площадке, перестраивают их, но как это выглядит в жизни, видеть мне еще не доводилось. Я нажала на кнопку звонка и услышала в ответ мелодичную трель. Дверь тотчас распахнулась, и на пороге появился блондин с невыразительным лицом. В его взгляде сквозило легкое недоумение.

– Меня зовут Екатерина Васильевна, я вам звонила...

Он поднес к глазам руку с часами:

– Да-да, помню. Я, кажется, опоздал.

«На два часа!», – произнесла я мысленно, а вслух сказала:

– Не страшно, меня приютил ваш сосед из второй квартиры.

– Соловей-разбойник! – буркнул хозяин. – Проходите, раз пришли.

– Соловей-разбойник? – удивилась я. – Почему?

– Потому. Извините! – Мне показалось, что Александр Павлович слегка покачнулся. – Не обращайтесь внимания. Прошу! – Он посторонился.

Я вошла в обширную прихожую с высокими, светлого дерева, в тон паркету, шкафами до потолка, овальными зеркалами и светильниками в виде свечей. На изящной консоли у зеркала помещалась массивная фаянсовая ваза, расписанная драконами, наполненная смесью из сухих веточек, цветов и трав. Я почувствовала их слабый, приятный запах.

Александр Павлович небрежно бросил на вешалку свой плащ и, видимо, промахнулся – тот сиротливо лежал на полу.

Я вошла в громадную комнату и замерла, пораженная. Вся наружная стена была стеклянной! Через это циклопическое окно густо синело вечернее небо, утыканное сверкающими звездами, и виднелась земля с высоты птичьего полета: неподвижная лента реки цвета темного серебра, за рекой – лес и луг, и где-то немыслимо далеко, на горизонте – светящаяся малиновая полоса – последнее «Прощай» закатившегося солнца. И первые огни в деревушке за рекой, где я побывала однажды еще совсем маленькой девочкой. Теплая ру-

ка памяти чуть сжала мое сердце, и оно дрогнуло в ответ. Я увидела, словно со стороны, яркое пламя костра, рой мошек над ним и лежащих около него немолодого седого человека и двоих детей – девочку и мальчика.

Девочка у костра – это я, мальчик – двоюродный брат Колька, а седой человек – дядя Андрей Николаевич. Он был одинок – ни жены, ни детей – и на весь отпуск забирал нас к себе. Мой отец умер, когда мне было два года. У Кольки отец был, но все равно что не было – замотанный, нервный, работавший начальником смены на инструментальном заводе, он приходил домой лишь спать.

...Вечер. Чуть потрескивают, сгорая, сухие ветки. Густая, звенящая тишина, как в первые ночи после сотворения мира, лишь сонная рыба изредка плеснет в реке или завозится птица в гнезде. Земля, остывающая от дневного летнего зноя, покрывается холодной росой. Одурающие запахи: травы – мята, чабрец, полынь, речная вода, дым костра...

...Бесконечные разговоры о смысле жизни, законах мироздания, добре и зле. И истории-притчи, смысл которых сводится к извечным человеческим: не убий, не укради, не предай...

– Будете вспоминать все это, когда меня не будет, – говорит Андрей Николаевич.

«Когда меня не будет!» Разве такое время наступит? Никогда, ведь впереди вечность...

– Нравится? – услышала я невыразительный голос и

вздрогнула.

– Очень!

– Потому и остались здесь. Жена любила сидеть на балконе и смотреть. Часами сидела. А вообще всерьез планировали за городом дом строить. Не люблю города – шум, чад, толпа...

Комната циклопических размеров кажется пустой. Пол покрыт громадным темно-красным ковром; в центре – низкий кофейный столик, по обе его стороны – два массивных кожаных дивана теплого шоколадного тона. В торце комнаты – высокая горка со стеклом, длинный обеденный стол на двух массивных ногах и шесть прекрасной формы стульев. Вдоль стеклянной стены четыре китайские вазы с деревцами. На одном из них – маленькие желтые лимоны.

Свет неяркий, горит лишь светильник в углу, один из четырех. Центрального освещения нет, как нет и привычной люстры.

– Прошу вас! – Ситников указал рукой на диван. Сам упал на другой, напротив.

– Пить будете? – Он выжидающе смотрит на меня, в глазах его мне чудится насмешка и холод. – Закуску не предлагаю, еды у меня нет. Выпить – пожалуйста!

«Пить будете?» «Я что, похожа на пьющую?» – Я одернула юбку на коленях.

– Ну что вы... не нужно еды, – пробормотала. – Белого вина, пожалуйста... если есть.

Раз я тут, то нужно терпеть. Неприятный тип, однако! И пьющий, кажется. Я рассматривала его украдкой, короткими пулеметными очередями, и чувствовала себя непрошеным гостем, другими словами – по-дурацки. А подняться и уйти с гордо поднятой головой слабо?

– Пардон, только красное. Будете?

Он посмотрел на меня в упор. Мне сделалось еще неудобнее. Я невольно оглянулась на дверь. Мысль о том, что он может оказаться убийцей, и нас тут только двое – была как ушат холодной воды. Я кивнула...

Он вышел в кухню. Я услышала, как хлопают дверцы буфета. Он вернулся с бокалом красного вина для меня и стаканом виски для себя. Протянул мне бокал. Вытащил из кармана пиджака пакетик с орешками, надрывает. Мы рассматривали друг друга через стол.

– Ну-с, а теперь доложите, кто вы такая и что вам нужно! – С жадностью человека, мучимого жаждой, одним глотком выпил половину стакана. Разгрыз крепкими зубами орешек, глядя на меня в упор.

Я перевела дух, пригубила вино и сказала:

– Я виделась с вашей женой три недели назад, она позволила и попросила о встрече.

– Почему вам? Кто вы такая?

– Я представляю охранный предприятие «Королевская охота». Она позвонила...

– «Королевская охота»? – перебил он с недоумением. –

Какая, к черту, охота? Что вам вообще нужно?

– Понимаете, вчера меня вызвал к себе следователь, Кузнецов Леонид Максимович, и от него я узнала, что ваша жена... То есть узнала, что случилось. И я подумала, что нужно поговорить с вами, может, вам захочется узнать... Ну, в общем, я подумала, что могу быть чем-нибудь полезна... помочь...

– Чего хотела от вас моя жена?

– Она просила защитить ее...

– От кого?

– Она не сказала.

– А что же она сказала?

– Почти ничего. Только плакала...

– И вы пришли, чтобы мне это рассказать?

– Ну... да. Я хотела спросить у вас...

– Чего она боялась и почему пришла к вам, а не к мужу?

Пришли посмотреть на мужа, которому не доверяла жена?

Бред какой-то... – Он допил виски и уставился на меня светлыми пьяно-сумасшедшими глазами. – Каин, где брат твой,

Авель? Так? Ну, давайте спрашивайте! Вас только мне не хватало для полного счастья! Охрана, от кого? От меня?

Я промолчала. А что было говорить?

– Я не убивал свою жену! – заорал он в бешенстве. – И не подстрекал к самоубийству! Я не знаю, зачем она звонила вам! Я не знаю, откуда у нее яд. Полтора года назад погибла сестра жены, погибла трагически, нелепо... – Он запнулся,

помолчал. – Елена долго болела, но полтора года – немалый срок, все проходит, она даже стала заговаривать о работе. Я не знаю, что случилось! Я не знаю, почему она приняла яд! Если это убийство, то убить ее, кроме меня, некому. Понятно? – Смелости ему было не занимать. – Но я ее не убивал. И если вы ожидаете, что я сейчас спрошу вас: «Ах, вы мне верите?», то ошибаетесь. Чихал я на ваше мнение! – Он замолчал, откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

И тут я наконец дала себе волю и рассмотрела его как следует. «Лысеющий рыжеватый блондин, почти альбинос, с круглыми совиными глазами – решительно не за что зацепиться взгляду, в возрасте около сорока. С неприятным характером, похоже, пьющий – судя по тому, как он опрокинул стакан с виски и не поморщился. По профессии... А чем он, собственно, занимается? Чем зарабатывает на кусок хлеба?»

«Какого черта ей на самом деле нужно?» – думал, в свою очередь, Ситников, сидя с закрытыми глазами, чтобы не видеть... эту охранницу. – Что это? Шантаж? Любопытство, скука, тщеславие? Пришла, не поленилась! Что Елена рассказала ей? Жаловалась? На равнодушного мужа? Плакала? Не думает ли она, что ей удастся узнать, что произошло на самом деле? Узнать правду... Правду? Какую правду? То, что случилось, – несчастный случай, недоразумение, нелепость. Не было самоубийства! Не было. Не верю. Точка.

А разве я не знаю правды? Разве Елена не понимала, что происходит? Я виноват, с самого начала, только я один. Но я

есть, я продолжаю быть, а их уже нет... Ни Алины, ни Елены... Алина, Алина, что же ты наделала? С тебя все началось...»

– Я ничего не знаю. – Хозяин открыл глаза. Он уже остыл, порыв прошел. Голос у него был усталый. – Мы были женаты четырнадцать лет. Доверяли друг другу. Елена не отличалась особой живостью, была скорее домоседкой, да и я ведь никогда не был душой общества... «Надеюсь, мой голос звучит достаточно убедительно?» – подумал он и сказал вслух: – У нее было все – деньги, дом, одежда. – И снова добавил про себя: «У нее не было главного. А у меня было?»

Он замолчал. Смотрел мимо меня – мне показалось, он забыл обо мне. Пауза затягивалась.

– Знаете ли вы, как важно иметь деньги? – вдруг спросил он. – Говорят, они не дают счастья, но я думаю, без счастья, но при деньгах все-таки легче, чем без счастья и без денег. Деньги – это свобода, это выбор, это когда ты создаешь обстоятельства, а не обстоятельства давят на тебя, заставляя принять решение. У тебя прекрасная квартира, а не унижающая достоинство нора. Первоклассные еда и питье, красивые шмотки, поездки в Испанию, на Канары... все у нее было! Да, я уходил рано и приходил поздно. Но ведь я вкалываю как собака, времена сейчас, сами знаете, какие – акульки. Или – ты, или – тебя. Я не шлялся по бабам, я ей ни разу не изменил. Ну, могу выпить... иногда.

«Правда, наш союз был вечной, мучительной изменой

другой женщине, но это уже не твое собачье дело!» – последняя фраза опять про себя.

– Друзья? Какие, к черту, друзья? У меня даже друзей нет! Не осталось никого. Время – деньги! Да и обстоятельства так складывались... После смерти сестры жена очень переживала, я даже боялся за ее психику. Она целыми днями не поднималась с постели. – Он замолчал, уставясь в пол. «Слава богу, у меня была и есть работа, а то и моя психика бы не выдержала», – снова про себя.

– Чем она занималась целыми днями? Я уходил, когда она еще спала, я уйду в семь утра, а то и раньше... – Он задумался, вспомнив, как Елена пыталась готовить ему завтраки, но он быстро пресек эту затею, сказав, что утром не голоден... Скотина, даже этого не смог ей дать! – Жена ходила по магазинам, ей нравилось делать покупки. Звонила подругам. Нет, я их не очень хорошо знаю. Застал как-то одну, кажется, актрису, экстравагантно одетую, накрашенную...

...Он тогда поразился перемене, произошедшей с Еленой, – она была счастлива! Они хватали друг друга за руки, перебивая говорили что-то, хохотали. На это стоило посмотреть. Школьницы! Елена всегда была маленькой девочкой, вечной младшей сестричкой, она так и не повзрослела. В свои тридцать два она выглядела много моложе. В ее жизни не было ни забот, ни проблем, ни необходимости принимать решения. Сначала решения принимала сестра Алина, а потом он, муж. А она была милой, послушной и любила их

обоих. Ему завидовали мужа работающих, рано постаревших и растолстевших жен. А он завидовал им. Смешно сказать, завидовал их скандалам – раз скандалят, значит, у каждого свое мнение. А у них в семье было только одно мнение – его собственное.

Как-то раз он застал жену в слезах. Захлебываясь и глотая слова, она рассказала, что у них в подъезде пищат от голода три крошечных котенка, а их мать дворовые хулиганы сбросили с восьмого этажа, и она разбилась, вопреки бытующему мнению о живучести кошек. Елена рыдала от жалости, а принести котят в дом не решилась, не посмела. Побоялась? Не сообразила? Не умела принять решения?

– Иди и принеси их сюда, – разрешил он.

– Всех? – Слезы сразу высохли.

– Разумеется, всех!

Она побежала за котятами, но их уже не было – разобрали добрые люди. А ему подумалось, что судьба не приняла его жертву за ту собаку, значит, он еще не прощен...

Та собака... Кошмар и поворотный пункт всей его жизни! Отец был заядлым охотником, в доме у них всегда были ружья. Как-то раз, очень давно, еще в другой жизни, он предложил Алине научить ее стрелять. Им было тогда... сколько же им было? Десятый класс... шестнадцать, семнадцать? Авантюристичная и смелая, как мальчик, она тут же согласилась.

Они отправились в заброшенный песчаный карьер, и он

преподал ей первый урок стрельбы. И последний. Чудом было, что их не поймали.

Как на грех, туда забрела бродячая собака, и он, опьяненный близостью Алины и стрельбой, закричал: «Сейчас поохотимся!» Выстрел и ее вопль: «Не надо!» – раздались одновременно. Он попал в собаку, но не убил ее. Окровавленное животное, визжа от боли, пыталось отползти, чтоб спрятаться... Алина бросилась на него с кулаками: «Сволочь, сволочь, убийца! Ненавижу!»

Он в ужасе перезарядил ружье и выстрелил еще раз, и еще раз, страстно желая только одного – чтобы прекратился этот ужасный собачий визг...

Потом он долго сидел на земле, даже, кажется, прилег и уснул. Очнулся, когда было совсем темно. Подошел к мертвой собаке, прикладом ружья стал бить в песчаную стену, и бил до тех пор, пока стена не обрушилась и не погребла ее.

На другой день он не мог подняться с постели. Все тело ломило от боли – то ли нервное, то ли простыл, лежа на земле. Он не пошел в школу и пролежал весь день в постели. Никто бы никогда не подумал, что сильный, независимый, негнибаемый Сашка Ситников может так переживать из-за жалкой собаки.

Алина так и не позвонила...

Он думал тогда, что сойдет с ума от стыда и горя. Но все проходит в конце концов. Алина не разговаривала с ним несколько месяцев. Потом они стали перебрасываться сло-

вом-другим, даже бывали вместе в школьных компаниях, но все это было уже не то. Совсем не то. Что-то закончилось для них, и они не знали, как это вернуть.

Выпускные экзамены прошли, словно в тумане. Потом нужно было поступать, учиться, сдавать сессии. А потом он узнал, что Алина вышла замуж за одноклассника Володю Галкина. Он воспринял новость спокойно, даже с легким презрением. Недоделанный Володька Галкин! Тюфяк по жизни! Да разве он с ней справится? Предатель! А ведь дружили! Там ему и место – под ее каблуком.

Они не искали с ним встреч. Он – тоже. Как-то он встретил в читальном зале Елену, сестру Алины. Что-то дрогнуло в нем – Елена смотрела на него глазами, так похожими на глаза старшей сестры.

Они стали встречаться, а спустя полгода поженились. На свадьбе он увидел Алину. Впервые за несколько лет. Она поздравила молодых – сияющую хорошенькую невесту в длинном платье из белого гипюра, с букетом красных тюльпанов и его, скорее озадаченного, чем обрадованного.

– Совет вам да любовь, – сказала Алина и прижалась губами к его щеке. И он понял, что ничего не прошло...

Они дружили домами – собирались на праздники, иногда выбирались на природу или в театр. Но их отношениям недоставало тепла, они не были нужны друг другу... Он так и не простил Володю Галкина, понимая в то же время, что тот ни в чем не виноват. А сестры могли видаться и без мужчин.

Он иногда спрашивал себя: неужели Володька не знал о них с Алиной? Неужели не помнил их вместе? Неужели его не интересовало, почему они расстались? Он понял, что ничего не прошло, что он по-прежнему любит Алину, теперь вдвойне недосыгаемую и вдвойне желанную. Он любил ее и ненавидел – за жесткость, неумение прощать, беспощадность. Из-за его дурацкого мальчишеского поступка она погубила две жизни – свою и его. Да, да, и свою тоже!

Они оба это понимали. Иногда их взгляды встречались, огонь вспыхивал в ее глазах, и, словно одержимая дьяволом, она начинала дерзить ему, издеваться над его работой, деньгами, называя мафиози. Он резко отвечал ей, и они, не стесняясь тех двоих, что сидели молча (что они чувствовали при этом?), начинали скандалить, не выбирая выражений, ненавидя и желая друг друга. «Живодер!» – однажды крикнула она злобно. Он схватил ее за плечи, больно сжал. Они смотрели друг другу в глаза, стоя в полутемном коридоре, а те, двое других, болтали о чем-то в гостиной. Живодер! Жалкое, спившееся существо, вымещающее свои жизненные неудачи на бессловесных тварях. Ах ты, дрянь! Ненавижу! Он притянул ее к себе, впился губами в дерзкий и желанный рот. Она ответила...

Ситников так глубоко ушел в свои воспоминания, что, похоже, забыл обо мне. Лицо его напоминало гротескную маску – запрокинутая на спинку дивана голова, нахмуренные брови, сжатый в тонкую полоску рот, задранный квер-

ху упрямый подбородок. И кулаки на коленях. Я сидела тихо, как мышь под веником. Я уже жалела, что пришла. Дурацкая затея! А этот Ситников... тот еще персонаж! Жесткий, неприветливый, грубиян! У его жены, красивой, молодой, было все, о чем только может мечтать любая женщина – прекрасный дом, спокойная размеренная жизнь, деньги. И она тем не менее смертельно напуганная обратилась ко мне за помощью. Значит, не было главного...

Мелодичная трель звонка заставила нас вздрогнуть.

– Какого черта! – проворчал сквозь зубы Ситников. С силой провел по лицу ладонями и поднялся с дивана. Помедлив, направился в прихожую. Мне показалось, он раздумывал, впустить ли нового гостя.

– Картина Репина «Не ждали»! – раздался из прихожей радостный сочный бас. Затем – грохот опрокинутой вазы, топанье, шлепки. – А это я, старинный друг Добродеев, собственной персоной. Решил заглянуть, проверить, как ты, старик. Запросто! Без звонка, без галстука, так сказать! Как не позвоню, отвечают: «Хозяин уехамши». Дай, думаю, зайду, повидею друга Сашку! А вдруг ты дома? И оказался, как всегда, прав. Как ты, старик?

– Нормально, – неохотно отозвался Ситников. – Проходи, Алеша.

– Э, да тут дама! – вскричал тот, кого назвали Алешей. Он рванулся ко мне, схватил мою руку и смачно поцеловал. Щелкнул каблуками, склонил голову и упер жирный подбородок

родок в не менее жирную грудь: – Алексей Добродеев!

Был это большой, толстый, очень подвижный человек с любопытными глазами, небрежно и дорого одетый, и от него изрядно пахло спиртным.

– Екатерина Берест.

– Екатерина! Катюша! Вы позволите мне называть вас Катюшей? Рад, рад! Как это мы раньше не пересеклись? – Он плюхнулся на затрепавший диван рядом со мной, схватил ситниковский стакан и залпом выпил. Пошарил глазами по столу, крикнул, пробормотав: – Ох уж эти бедные богатые, поправиться есть, а закусить – извините!

Взял мои руки в свои большие, мягкие и горячие ладони и сказал, заглядывая мне в глаза:

– Ну, Сашка, ну, негодяй, и что они только в тебе находят? Кто вы, прелестное дитя?

Голос у него был бархатный, выражение лица самое благодушное, но внимательный острый взгляд диссонансом. Его колено уперлось в мое, и я отодвинулась.

– Прелестное дитя – владелица «Королевской охоты», – буркнул Ситников.

– Что такое «Королевская охота»? Кафе? Элитный клуб?

– Неужто не знаешь? Ты же у нас завсегда в курсе! Это детективное бюро.

– Ты нанял детектива? – В голосе Добродеева проскользнули недоверчивые нотки.

– А то! – хмыкнул Ситников.

– Но ведь... ведется следствие, при чем тут частная контора? Или ты хочешь сам...

– О чем ты? Какое следствие?

– Ну, как о чем... – Добродеев слегка смутился. – В связи с... – он замялся, – с Еленой.

– При чем здесь Елена?

Добродеев, похоже, растерялся. Побагровев, он переводил недоуменный взгляд с Ситникова на меня.

– Я не детектив, – вмешалась я. – «Королевская охота» – это охранное агентство, и я здесь потому, что...

Закончить я не успела, так как Ситников, потянувшись за салфеткой, опрокинул мой бокал. Я ахнула. Добродеев проворно отодвинулся.

– Черт! – буркнул Ситников, промокая салфеткой разлитое вино.

Некоторое время мы сидели молча, наблюдая, как мягкая ткань неторопливо впитывает красную жидкость.

– Охрана? – опомнился Добродеев. – Зачем тебе охрана? Ты думаешь, что тебе что-то угрожает?

– Всем нам что-то угрожает, – ответил философски Ситников. – Я слышал, Рубова ограбили и чуть не убили в собственном подъезде.

– Рубова? – оживился гость. – Не слышал! Когда? И много взяли? Ужас какой! Из дома выйти нельзя! А вы меня, ребята, не дурачите? Прекрасная дама – начальник охраны! Или начальница? Как вы сказали? «Королевская охота»? Что-то

знакомое, вроде роман такой был, вспомнил – «Королевская рать». Такая красавица! – затараторил Добродеев – похоже, пришел в себя. – И я узнаю об этом последним? Я должен написать о вас! Непременно! Екатерина-амазонка!

– Господин Добродеев – журналист, пописывает в различные печатные органы, от красных до коричневых, включая зеленые и синие...

– Синие?

– Ну да, дамские журналы.

– Почему – «синие»? – спросила я.

– Издевается, «синие чулки» имеет в виду, – фыркнул Добродеев. – Ну и что? Истинный писатель вне политики! – Он уселся поудобнее, и было видно, что уйдет он не скоро. – Хорошо сидим. А по маленькой? За прекрасных дам!

– Есть водка, – сказал Ситников. – И все.

– А нам ничего больше и не надо! – обрадовался Добродеев. – Омни-а а ме-а-а мекум порто-о-о!³ – пропел он низким, не без приятности батюшкиным басом. Он легко вскочил с дивана и побежал в прихожую. Вернулся через минуту с необъятным кожаным портфелем, откуда тут же принялся вытаскивать и метать на стол свертки и сверточки. По комнате поплыл запах копченого мяса. – Саша, давай тарелки!

Ситников распахнул дверцы серванта...

– Классный закусон! – приговаривал Добродеев, разворачивая еду. – А мы вот попросим прекрасную охотницу по-

³ **Omnia mea mecum porto** (лат.) – Все свое ношу с собой.

ухаживать за двумя голодными мужиками, ммм, как? – Он с улыбкой заглядывал мне в глаза.

Я принялась раскладывать мясо в тарелки, они внимательно наблюдали. Мне показалось, у меня дрожат руки. Часы где-то в глубине квартиры принялись плоско отбивать время. На шестом ударе я сбилась. Должно быть, одиннадцать! Или полночь. Ну и что? Меня ведь никто нигде не ждет...

Добродеев был в ударе. Самые невероятные истории, героем которых выступал он сам, сыпались как из рога изобилия. Мы молча внимали. Он размахивал руками, таращил глаза, делал драматические паузы. Говорил он о себе в третьем лице, называя по фамилии, и казалось, речь идет о каком-то незнакомом ловком парне по имени Алексей Добродеев. Действие происходило в разных странах, упоминались известные имена. Сюжет был довольно однообразен: Добродеев и Кто-то Ужасно Знаменитый. Добродеев сказал (сделал, написал) что-то необыкновенно замечательное, Кто-то Ужасно Знаменитый был потрясен!

– На Багамах, в апреле, я, кажется, еще не успел тебе, старик, рассказать, мы поселились в одну гостиницу со штатовской Олимпийской по плаванию. У тренера челюсть отвисла, когда Добродеев рванул по их дорожке!

– Воображаю, какой втык получила охрана, – скучно заметил Ситников.

– При чем тут охрана! Ты не представляешь себе, старик,

какое время показал Алексей Добродеев! – Он с улыбкой смотрел на нас, ожидая аплодисментов.

– Алеша, я все равно в этом не разбираюсь. Вы знаете, – обратился он ко мне, – Алеша замечательно плавает, замечательно играет в теннис, бегает утром и вечером, ездит на велосипеде и катается на роликах.

Я взглянула на толстого Добродеева.

– Добродеев не толст! – сказал журналист гордо, перехватив мой взгляд. – Добродеев мускулист. Вот так-то, малыш!

– Да, кстати, ты знаешь, старик, на последнем приеме у мэра Мезенцев буквально умыкнул меня, несмотря на протесты Марика, с которым мы еще кое-куда собирались, и затащил к себе. Мы просидели у него до трех утра. Он начинает новый бизнес-проект и ищет надежного мужика на место генерального директора. Добродеев ему сразу сказал: ни за какие коврижки, нет, нет и нет! Добродеев – свободный художник! Кресло предпринимателя не для него.

– Разве Мезенцев уже в городе? – удивился хозяин. – Мне говорили, что до конца месяца он в Варшаве.

– Ему пришлось срочно вернуться, возникли проблемы дома, – не запнувшись, сообщил Добродеев, но при этом слегка покраснел. Видимо, соврал. Наступила пауза.

– Могу предложить кофе, – сказал Ситников. – Чай закончился.

– А как ты варишь кофе, старик? – встрепенулся Добродеев. – Знаешь, меня приятель-сириец научил варить класс-

ный кофе. Берешь...

– У меня растворимый, – перебил Ситников.

– Растворимый?! – Добродеев был потрясен. – Ну, старик, не ожидал! Ты попроси Добродеева достать тебе настоящую арабику. Добродеев хоть и не миллионер, но кофе потребляет миллионерский.

– Хорошо, как-нибудь... Екатерина Васильевна, вы мне не поможете?

– Слушай, старик, ты не против, мне нужно новости посмотреть... Твой ТВ на старом месте? – Не дожидаясь ответа, Добродеев направился к выходу и уже от двери закричал:

– Без меня не пейте!

– Похоже, Екатерина Васильевна, поговорить нам не удастся, – сказал Ситников. – Правда, я не совсем понял, чего вы от меня хотите. Ведется следствие, привлечены серьезные люди... Вы тут каким боком?

– Я все понимаю... я чувствую, что я могла бы помочь как-то... – сказала я неуверенно. Ситников внушал мне робость своей хмурой и неприветливой физиономией... – А вам не хочется знать, что произошло на самом деле?

Мы смотрели друг на друга. Он – раздумывая, я – вызывающе, чувствуя, как горит лицо.

Он знал, что говорили за его спиной... Даже если следствие не выдвинет против него обвинения, его не перестанут считать убийцей. Да, да, убийцей! Скажут – отмазался. Добродеев явился неспроста. Он сегодня в роли разведчика. Об-

щественность жаждет новостей. Завтра он понесет по городу свои невыдуманные истории о том, что старик Ситников каждый вечер упивается в хлам, перестал есть – холодильник пустой, похож на привидение, мучается и не находит себе места. Ох, неспроста все это! Опять-таки, нанял не то детектива, не то охрану!

– А вы, дамочка, кто – следователь? Ясновидящая? Что вы можете? – спросил он хрипло.

Я пропустила мимо ушей хамскую «дамочку».

– Ваша жена пришла ко мне за помощью. Сейчас ей уже ничего не нужно, но раз она обратилась ко мне, что-то было, правда? Причина была.

– Детективами небось увлекаетесь?

Я пожала плечами и не ответила.

– Послушайте, вам что, делать нечего? – Получилось грубо, и он это почувствовал. – Зачем вам это?

– Вы ничего не теряете.

Он задумался, разглядывая меня своими блеклыми глазами.

– Верно, терять мне нечего... С чего начнем? – В голосе Ситникова мне почудилась издевка. Он расстегнул ворот рубахи, сорвал с себя галстук, бросил на стол. – Будьте как дома.

– Я бы хотела посмотреть ее вещи, если можно...

– Да их только что не облизали. Смотрите сколько влезет! Еще?

– А когда я могу прийти?

– Весь день я занят. Приходите без меня. Возьмите ключ... – Он запнулся.

«Елены», – мысленно закончила я.

– Позор, продули финнам, я так и знал! – возбужденно завопил Добродеев, влетая на кухню. – А где кофе? Да вы, дети мои, даже чайник не включили! – Его внимательный взгляд перебегал с Ситникова на меня, рот приоткрылся от любопытства. – Вы чем тут занимались?

– Я думаю, мне пора. – Я вдруг почувствовала, насколько устала. Они оба мне надоели. С меня было достаточно грубого Ситникова и живчика Добродеева, я хотела домой.

– А кофе? – обиженно спросил Добродеев.

– Кофе? – с преувеличенным ужасом спросила я. – На ночь? Кроме того, мне добираться далеко...

– И поздно, и домой пора, и кофе на ночь, и голова болит! – прогудел Добродеев. – На лекциях по логике, милая барышня, я четко усвоил бесценное правило: держись одной версии! Одной! Одна выглядит достовернее. Полно врать-то, скажите прямо, старик Добродеев поймет. В чем дело? Чего вы не поделили, дети мои? Не уходите, Катюша, мы так хорошо сидели.

– Мне действительно пора. – Я не могла не улыбнуться – уж очень забавное было у него лицо... Лицо обиженного мальчика.

– Раз так, я вас отвезу! – решительно сказал Добродеев. –

Карета у порога, мадам. Прощай, старик! – повернулся он к Ситникову: – Даст бог, свидимся. – Он сделал вид, что утирает несуществующую слезу.

– Не бойтесь, – сказал Ситников, поймав мой неуверенный взгляд. – Подшофе у него реакция ничуть не хуже, даже наоборот – летит как молния. И все гаишники свои люди, так что без проблем. Вы мне нужны живой, – пошутил он, но шутка получилась неудачной, какой-то двусмысленной.

* * *

В машине Добродеев продолжал болтать, в основном о себе. И только когда подъезжали к дому, он спросил о том, что не давало ему покоя:

– А зачем Сашке охрана? Ему что, угрожают? Так, может, и смерть Леночки...

– А вы ее хорошо знали?

– Знал ли старик Добродеев Леночку? Боже мой, конечно, с младых ногтей! Нячил, можно сказать. Прелесть, что была за ребенок! Милая, ласковая, добрая. Она и потом такая же была, совсем не изменилась. А знаете, Катюша, я был ее единственным другом! Сашка – сухарь, вы же видели! Его вечно нет дома. Алина тоже... характерец! А Леночка все одна и одна.

– Вы и Алину знали?

– Мы все друг друга знали. Мы же учились в одном классе

– Сашка, Алина, Володька Галкин – будущий муж Алины, и я, ваш покорный слуга, Алексей Добродеев. А Леночка – четырьмя классами младше. Как сейчас помню, уроки у нее заканчивались раньше, так она всегда сестру ждала. Сидит под дверью нашего десятого «Б» и сказки читает. Их мать умерла, когда Леночке было всего пять. Алина ей за мать была. Отец так и не женился. Алина бы этого не потерпела. Просто удивительно, в одной семье, и две такие разные девочки. Леночка-лапочка и черная пантера Алина.

– Черная пантера? Почему?

– Была такая террористическая организация в Штатах в шестидесятых-семидесятых – «Черные пантеры». Я, конечно, понимаю, аут бене, аут нихиль⁴, и все такое, но Алина была личность со знаком минус! Жесткая, не терпящая возражений, не прощающая...

Он замолчал. Казалось, он вспоминал нечто, оставившее след, непроходящее и до сих пор причиняющее боль. Лицо его, утратив преувеличенно-радостное, скоморошеское выражение, стало печальным и постарело на глазах.

– Вот это и было самым неприятным в ней – неумение прощать и неумение забывать. Она готова была преследовать человека всю жизнь... за что угодно, за любой проступок, легкомыслие, детскую шалость, всеми давно забытые, быть постоянной угрозой его благополучию, карьере. Судья и па-

⁴ **Aut bene, Aut nihil** (лат.) – часть фразы: «О мертвых ничего, кроме хорошего».

лач в одном лице. И ведь нельзя сказать, что стерва, нет, у нее это называлось принципами. Моралью. Как всякий террорист, она видела себя борцом за идею.

Меня поразила страсть, звучащая в его голосе. Я молчала, не зная, что сказать, испытывая неловкость человека, подсмотревшего чужую тайну. Пауза затягивалась.

– Однако Добродеев разговорился! – попенял себе журналист. – Вот что значит присутствие хорошенькой женщины! Дела давно минувших дней... А знаете, – в его голосе вновь зазвучали знакомые хвастливые нотки, – я ведь мог увести Лену! Да, да, она меня любила. Как друга, разумеется, – поспешил добавить. – Хотя, знаете, иногда словно искра проскакивала между нами... вы же всегда это чувствуете. О такой женщине можно было только мечтать! Женщина-ребенок, нежная, незащищенная, беспомощная... Если бы Сашка не был моим другом... – Он оборвал себя на полуслове и теперь уже молчал до самого дома. Словно угас.

Вяло попытался попроситься на чай, но не настаивал, когда я сказала, что едва держусь на ногах. Правда, потребовал номер телефона и пообещал непременно позвонить – «синие чулки» с руками оторвут материал о женщине-детективе.

Я не стала объяснять, что я не детектив. Добродеев все равно напишет что захочет, ничем не ограничивая полет фантазии и меньше всего заморачиваясь достоверностью.

– А кстати, – вдруг вырвалось у меня, – что за бизнес у Ситникова?

– Как, вы не знаете? – Добродеев вытаращил глаза.

«Так тебе и надо, мадам сыщица!» – мысленно чертыхнулась я.

– Но вы же... на него работаете, разве нет? – В его глазах появился неподдельный интерес.

– Только собираюсь, контракт еще не подписан, – соврала я.

– Он бухгалтер, – как-то слишком уж небрежно сообщил Добродеев. – Аудитор-консультант, как это теперь называется, у него аудиторская контора. Помогает всем этим жуликам уклониться от налогов. И имеет с этого соответственно. Видели его квартирку?

Зависть, обыкновенная зависть, серая, как дохлая мышь, или старая паутина, звучала в голосе старика Добродеева...

* * *

...Я долго не могла уснуть в ту ночь. Вертелась как грешник на раскаленной сковородке. Буравила взглядом пространство. Занудная привычка расставлять все по полочкам давала себя знать.

– Ну как, довольна началом своей детективной карьеры? – спросил Каспар, который тоже, видимо, не мог уснуть и сгорал от нетерпения обсудить события дня.

– Какая там карьера, – скромно ответила я. – Знаешь, чего мне стоило напроситься в гости к этому... Ситникову!

Неприятная все-таки личность. И опоздал в придачу. На два часа! Представляешь? Если бы не славный старикан... сидела бы под дождем. Консультант... всего-навсего! А я-то думала... А вообще довольна. Я познакомилась с тремя интересными людьми, получила разрешение осмотреть вещи Елены... кое-что узнала. Вечер прошел не даром.

– Давай излагай! – потребовал Каспар.

– Ситников опоздал, как ты уже знаешь, и меня приютил его сосед, Владимир Михайлович Ненахов, старый актер. Очень колоритная фигура. На пенсии, но продолжает играть, теперь не на сцене, а в жизни. Профессия накладывает свой отпечаток, и никуда тут не денешься. Это между прочим, он здесь ни при чем. Немного переигрывает. Пафос хорош для театра, а в жизни... сам понимаешь. Фальшь... в хорошем смысле этого слова, разумеется. Он мне понравился. Любопытен, не прочь сунуть нос в дела ближнего; болтлив; одинок; кокетлив. Играет роль... в зависимости от обстоятельств – добрый дядюшка, король Лир, деспот, Сальери... любую значительную личность, антураж позволяет. Умеет вытянуть из тебя то, что ты никому не собиралась рассказывать. Мастерски задает вопросы. Руководит ситуацией, владеет мускулами лица... в общем, актер. Интересно, почему он на пенсии? Хороший актер умирает на сцене. Здоровье? И еще что-то... был момент, когда он...

Мысль моя забуксовала, равно как и воображение. «Воп нот» – удачное словцо, – как говаривала старушка-соседка

в далекие времена моего детства. «Избегайте удачных ярлыков, их потом невозможно отодрать!» Я представляла себе человека с ярлыком, наклепленным на лоб, и удивлялась. Мама сказала, что ярлык – это слово. Скажут, например, что человек дурак, и не отмоешься. Или еще... как назовешь корабль, так он и поплывет. Я, разумеется, не поняла, но запомнила. Старая дама была права – словом можно уничтожить человека, его репутацию, свести на нет любое начинание и высмеять любое доброе дело.

– Не отвлекайся! – одернул меня Каспар. – Ты сказала, был момент, когда он... что?

– Он *сомлел*! Под занавес он сомлел.

Словечко «*сомлеть*» было лексической жемчужиной из словаря маминой троюродной сестры тети Нины. Тетя Нина была замечательна тем, что в слова и понятия вдыхала новый смысл. «*Сомлеть*» на ее языке значило не упасть в обморок или потерять сознание, но дать слабину, отказаться от борьбы или пуститься во все тяжкие.

– Васька из третьего подъезда опять *сомлел*, – говорила тетя Нина, закатывая глаза и с сожалением качая головой. И всем было ясно, что у Василия Зубина опять запой.

– У меня всегда была нечистая совесть, – повторяла она гордо и слегка обиженно. А значило это, что она, как совестливый человек, стеснялась брать с клиенток лишнее и всегда возвращала остатки. Тетя Нина была портнихой. – Не то что другие!

«*Выпущенные губы*» – вспомнила я еще одно теткино выражение и в который раз пожалела, что не записывала ее перлы.

– Сомлел? Как это?

– Он стал как шарик, из которого выпустили воздух. Потерял интерес к беседе, постарел, даже сгорбился. Почему?

– Да мало ли почему! – фыркнул Каспар. – Устал! Вспомнил Елену, задумался о смысле жизни... Любил ее, жалел... Отвык от гостей!

– А может, ему что-то известно? Может, он догадывается, кто убийца?

– Ну так пойди и спроси.

– И пойду, и спрошу. Молчи и слушай дальше. Номер два – потрясающе интересный толстый человек, человек-колокольчик, спортсмен, журналист, катается на роликах, оставил американскую сборную по плаванию. Кто-то очень неглупый когда-то написал: «Болтаю, чтоб не сказать лишнего!» Так и господин Добродеев – болтает, но не выбалтывает, не говорит ничего лишнего, фильтрует базар. Свой в доску, сплетник, «балаболка», всеобщий друг-приятель. Завидует «старика» Ситникову. Умеет между прочим бросить маленький камешек в чужой огород – кому надо, поймет. Круглые глаза, честное пионерское лицо. «Физия», как говорит друг сердечный Юрий Алексеевич... – Я непроизвольно вздыхаю. – Честная пионерская физия. Вряд ли пользуется успехом у женщин. Еще один повод, чтобы завидовать «ста-

рику» Ситникову, который... пользуется?

И, наконец, виновник торжества – господин Ситников, Александр Павлович, дипломированный аудитор... чья жена Елена умерла, а за неделю до смерти позвонила мне и попросила о помощи. И что-то тут... не стыкуется. Жизнерадостная, ни в чем не знающая отказа, славная домашняя девочка, как сказал Добродеев, а я увидела ее другой – экзальтированной, в истерике... и еще одуряющий запах духов, и черная одежда... какой-то дешевый вамп!

– Не отвлекайся. Давай о Ситникове.

– Ситников... Сильный. Самоуверенный. Типичный альфа-дог, шовинистическая мужская особь. Манеры на нуле. Грубиян. В детстве любил драться. Да и сейчас... вполне может накидать. Как-то даже странно для бухгалтера. По-моему, пьет. Производит впечатление искреннего человека.

– Понравился?

– Понравился? Еще чего! Нет, разумеется!

– Думаешь, он убийца? Только без уверток. Первое впечатление – самое верное. Не забывай, что он самый вероятный кандидат в убийцы. По статистике, жен чаще всего убивают мужья. Если это убийство, конечно...

– Если бы он захотел убить, то убил бы. А мотив... В семейной жизни, наверное, всегда можно найти мотив. Не думаю. Он говорил о ней... так мягко... Нет! Не верю.

– Может, она узнала что-нибудь о нем, криминальные связи, там, ну, не знаю...

– Елена? Глупенькая прекрасная Елена? Женщина-ребенок? Даже если бы она и узнала что-то... ну и что?

– Зависит от того, что она узнала.

– Стоп, стоп, стоп! Какая-то мысль мелькнула... Глупенькая, вечная школьница, младшая сестричка... Вот уж не сказала бы, что глупышка!

Я вспомнила женщину на скамейке, ее хриловатый, со стержовинкой голос, то, как она хватала меня за руки... Играла? Елена? Милая славная девочка?

Ничего не понимаю! Мужское восприятие и логика отличаются от женской, это общеизвестно, но не до такой же степени! Им можно любую лапшу навешать, они принимают за чистую монету притворство и лукавство, потому что сами же их и поощряют, а женщина видит суть другой женщины, она видит ее... в ярких и беспощадных огнях рампы! Во как! Красиво.

И еще что-то такое сказал Ситников... сейчас, сейчас... Вспомнила! Он сказал, что Елена долго болела после смерти сестры, но в последнее время изменилась, повеселела и стала заговаривать об устройстве на работу...

Так в чем трагедия? Что заставило ее искать защиты у детектива?

Около трех я наконец уснула...

Глава 3

Теория поиска с точки зрения женской логики

...Знакомая комната со стеклянной стеной. Стена раздвинута – день на удивление теплый. За стеной небесная голубизна, солнечный свет и белые облачка вдали. Парусом вздымается тонкая прозрачная ткань. Я подхожу ближе, мне хочется подставить лицо солнцу, но вместо солнечного тепла оттуда вдруг потянуло ледяным холодком... Небо уже не голубое, а лиловое, оно темнеет на глазах и вдруг начинает закручиваться спиралью, превращаясь в гигантскую морскую раковину или гигантскую космическую воронку. Раковина-воронка, медленно вращаясь вокруг своей оси, заваливается набок, и в отверстии, пульсируя, появляется *нечто* черно-глянцевое, беспокойное, живое и опасное...

Я налегаю на балконную дверь, пытаюсь закрыть ее... Прозрачная ткань облепляет лицо, забивается в рот... я начинаю задыхаться... Тут я вдруг осознаю, что я не одна. Рядом со мной еще кто-то. Белая женщина или птица... громадные крылья, со свистом рассекая воздух, бьются в стекло с той стороны. Дверь захлопывается. Раковина, медленно кружась, удаляется и исчезает. Мы смотрим друг на друга через стекло. Она – там. Я – здесь. Ее губы что-то шеп-

чут... На полу балкона дымится черная лужа, я вижу невесомую колеблющуюся струйку... Моя рука и ее крыло соприкасаются – к моему ужасу, рука свободно проходит не только сквозь стекло, но и сквозь крыло птицы. Я пытаюсь рассмотреть ее лицо, но лица нет! На его месте бесформенные, жуткие лоскуты плоти, обнажившие кости черепа... Полупрозрачные руки-крылья тянутся ко мне...

...Я проснулась от собственного вопля. Меня трясло. Я дышала тяжело, с какими-то всхлипами. Холодные мурашки бегали по спине.

Я включила ночник. Села в кровати, обхватив себя руками, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, испытывая невыразимое облегчение от того, что это был лишь сон... В комнату попадал неяркий свет с улицы. Привычная обстановка подействовала успокаивающе. Я перевела дух.

Замерзнув, я сползла с кровати, стащила с себя влажную ночную рубашку и побрела в ванную.

Газовая колонка загудела ровно и мощно, чуть присвистывая. Как всегда, ночью напор газа был сильнее, чем днем. Я замерла перед зеркалом. Перепуганная физиономия, перепуганные глаза. Не красавица... Плоский живот – предмет зависти Галки. Талия... вполне. Пара лишних кэгэ... ладно, не будем о грустном. Главное, чтобы человек был хороший. Ну, сидела я на диете, было, не ужинала, не завтракала, пила до посинения травяные чаи и специальный кофе... и что? И ничего. Я даже подумала, что сломались весы. Правда, по-

явилась интересная бледность... Мама соблазняла жареной картошкой с мясом, маринованными огурчиками, кофе со сливками... И все-таки добилась своего! Я вернулась. Никогда не забуду, как мы обе наворачивали картошку с мясом и запивали ее пивом!

Глаза ничего, серые... друг сердечный Юрий Алексеевич говорит «моря ясности». Славянский нос, большой рот. Каштановые волосы, к сожалению, прямые и негустые.

«Эй! Это я! Меня зовут Екатерина Берест, – сказала я отражению в зеркале. – Не могу сказать, что я себе безумно нравлюсь, но, в общем, ничего...» Юношеское отчаяние по поводу отсутствия осиной талии, выющихся белокурых волос, крошечной ножки и небесно-синих глаз сейчас казалось просто смешным. Как говорят опытные французы – неважно, что у тебя есть, важно, как ты этим пользуешься.

– Тебе уже тридцать один, – сказала я себе. – Пора замуж, детей, а ты дурью маешься. Вот уже и кошмары снятся.

– Смотри, Катерина, – говорит моя бабуля Мария Александровна, – пробросаешься. – Это про спорт-смена Владика, который звал замуж. Я только хихикала. И дохихикалась до тридцати с хвостиком. Есть еще, правда, друг сердечный Юрий Алексеевич... Но это отдельная песня.

Я стояла под струями воды, такими горячими, что дух захватывало, пока не согрелась...

Противный базарный голос будильника выхватил меня из сна. День за окном определился какой-то серенький. Голова после бессонной ночи трещала. Полцарства за кофе!

– Сегодня мы с вами поговорим об азартных играх, в частности, о проблеме казино, – бодро возвестил мой утренний радиодруг Сева Миркин. – Хорошо это или плохо? Итак, ваше отношение к казино! С нами Зина. Слушаем вас, Зина!

– Мой мужик из казино не вылезит, – поделилась Зина озабоченным голосом, – какие деньги ни есть, все туда.

– Выигрывает?

– Если бы! Не выигрывает и никогда не выигрывал. Нет, вру, раз было, мелочь какую-то. Прямо крыша едет! Я ему всю плешь проела, а он: «Вот как выиграю, все купим! И стиралку, и холодильник, и шубу!» Он продул уже пять стиралок! Лучше б пил! И не слушает, зараза, что говорят! Не слушает! – Женщина говорила громко и возбужденно.

– А вы хотите, чтоб он вас слушал? – обрадовался ведущий, – буквально из воздуха наклеывалась новая тема толковища: «Кто в доме хозяин?»

– Да не хочу я, чтоб он меня слушал! – с досадой отвечает женщина, уже остывая. – Что он, ребенок, что-ли? Я хочу, чтоб он понял! Понимаете? Он же хозяин, на нем семья, а он, как шкодливый кот, в казино шастает! Скоро по миру

пойдем.

– Ну, вот, есть мнение, что казино – явление отрицательное, – бодро подбил бабки Сева. – А что думаете вы, уважаемые слушатели?

Слушатель по имени Вадим считал, что казино – увлекательная игра. Играют же люди в шахматы, шашки или лото. Чем казино хуже? Или взять спорт! Вот и казино тоже вроде спорта, расслабляет...

– Закрыть надо эту заразу! – завопил новый слушатель. – Только людей разлагает! Старых – ладно, не жалко, а детей? Ничего святого! Деньги зарабатывать головой и руками надо, а не в казино!

– А разве туда детей пускают? И вообще при чем тут дети?

– Дети ни при чем. Сегодня мы обсуждаем развлечения для взрослых.

– А давайте в следующий раз обсудим подпольные дома терпимости, – ехидно предложил еще один, – тоже развлечение и тоже для взрослых!

– У нас маленькая рекламная пауза! – поспешно объявил Сева.

Я допила кофе и выключила радио. Тоска. Да и ночной кошмар не дает покоя. Женщица без лица... Меня передергивает.

За окном – туман, промозглость и сумеречность. Мир накрыт мокрой подушкой. Солнце наверху едва угадывается... как тусклая серебрянная монетка на дне колодца.

Погода как из романов о комиссаре Мегрэ.

«Комиссар Мегрэ, в тяжелом длинном пальто, впитавшем всю влагу парижского беспросветно-дождливого осеннего дня, входит в кабачок «Четыре мушкетера», что на Рю де Плесси-Мусси-Кусси, и заказывает кружку анисовой водки. Достает из кармана громадный клетчатый носовой платок, разворачивает и оглушительно сморкается...»

И так далее.

* * *

Знакомый дом. Утренняя серость так и не рассеялась. Верхние этажи тонут в тумане. Я прошла мимо пустой скамейки, на которой старый актер развлекал меня стихами. Вечность назад. Вчера.

Набирала код. Поднялась на последний этаж. Остановилась перед знакомой дверью. Достая из сумочки ключ. Я и техника – вещи несовместные. В моих руках ничего не хочет работать – от мобильных телефонов до ключей. Тем более чужих. Открыла! Вошла. Знакомый слабый аромат сушеных трав, тепло и особая тишина пустой квартиры, усиленная осознанием того, что это чужой дом...

В комнате было сумрачно и печально. За стеклянной стеной – пелена тумана, в центре – сгусток блеклого болезненного солнца. С высоты птичьего полета угадывался змеиный извив реки, но ни деревень на противоположном берегу, ни

леса было не видно. Мир тонул в миражной белесости. Декорации из ночного кошмара. Но действующее лицо лишь одно – я. Женщины-птицы нет. Постояв у окна и физически ощутив сырость и неуют осеннего дня, я скомандовала себе: вперед!

С чего же начать? С чего начинают сыщики в романах? Перво-наперво – осматриваются орлиным взором. Можно прищуриться – подталкивает воображение. Можно почесаться. Затем подходят к письменному столу, выдвигают ящики, просматривают бумаги, пробегают пальцами внутри ящиков в поисках тайника и, как правило, находят. Только нужно представить себе, что именно ты хочешь найти.

– Ну-с, и что же мы ищем? – вылез Каспар.

– Не знаю.

– У тебя, как у всякого уважающего себя детектива, должна быть гипотеза или рабочая версия.

– Рабочая версия есть. Даже две. Первая. Елена покончила жизнь самоубийством. Проводила мужа, прошлась по магазинам, вернулась домой, нагруженная покупками, сварила кофе, поужинала, вымыла посуду, приняла яд, который держала завернутым в листок из блокнота, запила апельсиновым соком, легла в кровать и умерла.

И не оставила ни строчки, ни полстрочки, которые пишут обычно... решившись. В состоянии истерики, страха, безнадежности, пытаюсь объяснить или оправдаться. Или оградить своих близких от подозрений в убийстве.

Что же это? Жестокость? Желание отомстить? Кому? Нетрудно догадаться! Может, она узнала о том, что у Ситникова есть любовница... Тогда тем более оправдан прощальный упрек. Что-нибудь вроде: «Я не могу вынести твоей измены!!» Или: «Будь проклят!!»

Не то. Мелодрама, дешевка. Кто сейчас кончает самоубийством из ревности? Да и что она могла узнать? Допустим, увидела их вместе, ну и что? Подошла бы, Ситников представил бы их друг дружке... такой не растеряется в критической ситуации! Милая и простодушная, сказал о ней старый актер. Лапочка, сказал Добродеев. Обмануть такую милую и простодушную – пара пустяков. Это моя коллега, соврал бы Ситников, и всего делов-то. Что же заставило ее... что случилось?

Была депрессия после смерти сестры, но потом она пришла в себя, повеселела и даже стала заговаривать о работе.

Версия два. Убийство. А мотив? В каком-то из романов Агаты Кристи детектив Эркюль Пуаро рассуждает о мотивах преступления. Деньги, страх, месть, ненависть, несчастная любовь... Выбор велик.

Если Елену убили... Если! То каков мотив?

Деньги? Нет, нет и нет! Мечь? За что? Ненависть? Несчастливая любовь? Страх? Возможно, кто-то боялся ее до такой степени, что... А вот это интересно, что-то в этом есть. Домоседка, не имеющая подруг, не работающая, не очень умная – кому она перешла дорогу? Ее боялись. И она боя-

лась! Она боялась за свою жизнь. Она знала... Она пришла ко мне за несколько дней до смерти, потому что боялась. Кого? Чего? Почему она не поговорила с мужем? Не доверяла?

Я совершенно забыла о времени и взрогнула, когда где-то в глубине квартиры стали бить часы. Тоскливое эхо заметалось в гулком пустом пространстве. Я по-ежилась. Не привыкла я бывать в чужих квартирах в отсутствие хозяев. Все здесь казалось мне враждебным...

Я решительно поднялась. Ряд дверей вдоль коридора. Я открыла первую – большой письменный стол, плоский монитор компьютера, по стенам – стеллажи с книгами. Кабинет хозяина. Солидная мебель для понимающих людей с деньгами. Кожаное кресло, кожаный диван, смятые простыни. Значит ли это, что хозяин спит в кабинете? Почему же он спит в кабинете? Непонятно. Простор для фантазии. Хотя какая там фантазия. Мужчина спит в кабинете лишь в одном случае – когда ему одному лучше, чем в супружеской постели. Даже сейчас, когда супруги уже нет... Информация к размышлению.

Маленькая уютная комната со скошенным потолком. Здесь царит полумрак. Белые стены кажутся голубоватыми. Тяжелые темно-желтые портьеры задернуты. Я тяну за витой шнур, и ткань тяжело уползает в стороны. Становится светлее. Похоже, никто с тех пор сюда не заходил... везде пыль... В центре просторной комнаты – узкая кровать неполированного дерева, тяжелое тканое покрывало, густо-желтое, в тон

портьерам. Пушистый коврик, черная с белым шкурка козленка. Спальня хозяйки. У супругов, оказывается, были разные спальни. Возможно, Ситников храпит. Шкаф во всю стену напротив окна, десятка два изящных латунных ручек. Комод на изогнутых высоких ножках, антик; на центральном выпуклом ящике наивная пасторальная сцена: беззаботный пастушок со свирелью и его юная подружка в кринолинах.

Маленький туалетный столик с зеркалом-триптихом. На нем коробочки, шкатулочки, букетик засушенных цветов в малахитовом кувшинчике, разноцветные стеклянные зверушки – красный носорог, зеленая лягушка, синий страус, черно-белая панда, лиловый бизон.

Две фотографии, в серебряной и деревянной рамках. На одной – Елена и Ситников на фоне зимнего леса или сада: видны деревья и кусты, пригнувшиеся под тяжестью снега. Елена – в легкой светлой шубке, черные волосы красиво рассыпаны по плечам. Ситников – в распахнутом коротком пальто, клетчатый шарф небрежно выбивается из-под воротника. Они держатся за руки, смеются и смотрят прямо в объектив. Спуск нажат, птичка вылетела и мгновение остановилось. Изображение слегка кривое, по диагонали, что вряд ли отвечало замыслу автора. Но не это было главным, а то, что, глядя на эту фотографию, хотелось улыбнуться. Они были такими счастливыми...

На другой фотографии – Елена, сидящая на деревянных перилах веранды загородного дома или дачи. Виден край

стола, банка с полевыми цветами – ромашки, розовые гвоздики, ветка цветущей калины. Елена опирается плечом о деревянную балку – загорелая, в открытом сарафанчике на бретельках, волосы собраны в конский хвост. Юная, прелестная и счастливая.

Я поставила фотографию на место.

«Кресло из дворца» с гобеленовой обивкой в углу. На нем две куклы – золотоволосая красавица в голубом парчовом платье и толстый младенец тяжелого пористого каучука, ярко-розовый, в распашонке и ползунках. Сбоку притулился сиротой вытертый порыжевший плюшевый медвежонок, видимо, еще из детства.

Китайский черный лакированный шкафчик со стилизованным вертикальным рисунком – бледно-красные пионы, птички, бабочки и тускло-золотые иероглифы. На шкафчике – тяжелый альбом с металлической застежкой. Я открываю альбом, переворачиваю страницы. Везде Елена: в легком платье, смеется в объектив; Елена, пальмы и море; Елена на лошади, на лице застыла неуверенная улыбка. Видимо, побаивается; Елена с пожилой парой в кафе; Елена в знакомой шубке, румянец во всю щеку, лицо радостное.

Всюду Елена. Бедная Елена...

Я вытащила одну из фотографий, ту, где она серьезна и почти официальна, и – спрятала в сумочку. А вот это интересно! На фотографии две девушки: одна Елена, а другая – незнакомая, видимо, сестра Алина – уж очень они похожи.

Я рассмотрела Алину. Выглядит старше и значительнее Елены, строгий не улыбочивый рот, твердый взгляд. Эту фотографию я тоже убрала в сумочку. На всякий случай.

Небольшая картина – яркое голубое море, небо, лодка под парусом с двумя человеческими фигурками, выполнена в нарочитом стиле лубка. Белый ковер на полу. Все вещи изящные и дорогие. Ни блестящей инкрустации, ни нахальной позолоты, ни ярко раскрашенных ваз с искусственными цветами. От белого цвета, который преобладает в комнате, веет чистотой и монашеской кельей. У женщины, которая здесь жила, был хороший вкус. Осиротевшие вещи, пережившие хозяйку...

На тумбочке у кровати я заметила маленькую плоскую коробочку, через прозрачную крышку виден блестящий диск. Я нажала на клавишу и, замерев, стала слушать. Раздались теплые звуки фортепьяно, знакомые аккорды, сердце замерло в сладком предчувствии, и, как всегда, неожиданно, как чудо, возникает ниоткуда сильный чувственный женский голос, экстатически взывающий к Божьей Матери – шубертовская «Аве Мария»! С пластикового футляра смотрела большая чернокожая женщина, красивая нездешней красотой, с гривой вьющихся жестких иссиня-черных волос...

... Я сидела в кресле, потеснив кукол и медвежонка, закрыв глаза. Не хотелось ни двигаться, ни думать, ни спускаться обратно на землю. Гармония, красота и... убийство!

Я продолжала сидеть в «дворцовом кресле», размышляя и подводя итоги. И препиралась с внутренним голосом.

– Не подлежит сомнению, что Елена боялась кого-то. Согласен? – спросила я. – Значит, убийство?

– Как и всякая версия, имеет право на существование, – важно ответил Каспар. – Аргументируй.

– Я не верю, что Ситников мог...

– Вера – не аргумент! Еще.

– Допустим, у него есть любовница...

– Ну и что? У всех есть. Самцы так самоутверждаются. Не повод для убийства.

– Елена узнала и решила уйти из жизни...

– Ты в это веришь? – хмыкнул Каспар.

– Нет.

– Молодец. Почему?

– Милая глупенькая девочка... Даже если бы какой-нибудь благожелатель сообщил ей, что у Ситникова есть пассия, она бы не поверила. Потому что сама не способна на измену. Или спросила бы у него. А он бы сказал ей...

– Он бы сказал то, что они обычно говорят: ну, что ты, дурочка! Я же люблю только тебя! *Не выдумляй!*

– Остается страх. Тот, кто ее боялся, добрался до нее. Как? Не знаю и вряд ли узнаю. Охотник добрался до дичи.

Она представляла опасность для кого-то. Она знала об этом и понимала, что этот кто-то представляет угрозу. Потому и пришла ко мне. Но... ничего не сказала. Только плакала. Почему? Ответов может быть... три. Я ей не понравилась – *раз*. Она не захотела мне довериться или передумала – *два*... – Я замолчала.

– А три? – спросил Каспар.

– Не собиралась она ни о чем просить!

– Что значит – не собиралась? А зачем тогда приходила?

– Не знаю. Нехватка информации. Пробел. Лакуна. Думать об этом бесполезно, все равно ни до чего мы не додумаемся. И никогда ничего не узнаем. Может быть. Но раз я здесь, я хотя бы попытаюсь...

Итак, призовем на помощь рефлексию и перевоплотимся. Я – Елена, маленькая домашняя хозяйка, милая, ласковая, меня все любят. Жизнь меня балует. И вдруг умирает самый близкий мне человек, причем не от смертельной болезни с предсказуемым концом, а трагически погибает. Я не хочу жить. Я тоже хочу умереть. Но... идет время, а время, как известно, лучший лекарь. Я выхожу из депрессии, жизнь продолжается. А потом случается что-то, что приводит меня к гибели.

«Что же могло случиться?» – раздумывала я. Встреча? Письмо? Старый друг? Телефонный звонок? Ведь и друзей-то не было. Разве что – друг Добродеев... А что? Ладно, с ним тоже разберемся. А может, неожиданная находка в сто-

ле мужа? Анонимное письмо с информацией о... его сомнительной деятельности? Нет, ерунда получается. Ну, получила я это письмо, и что? Пошла к мужу. Потребовала объяснений. Убивать меня не имеет смысла, ведь анонимщику тоже известно все, до него добраться бы...

Как бы там ни было, у меня появилось нечто, назовем его «предмет икс», опасный для убийцы, и он об этом узнал... Как? Возможно, я ему угрожала. Шантаж? Дурацкая затея. Не всем дано быть шантажистами. А где я держу этот «предмет икс»? В камере хранения, как всякий приличный преступник? Вряд ли. Камера хранения – типично мужской тайник. Для крупных предметов. Не думаю, что мой «предмет икс» – чемодан или сундук. Возможно, это книга, письмо, записка, квитанция. Что-нибудь маленькое и незаметное. Куда бы я это спрятала? Правда, был обыск и ничего не нашли. А искали, между прочим, профессионалы. Но их логика отличается от моей. Куда бы спрятала это я?

Воспользуемся «серыми клетками», Екатерина, и включи «женскую логику» – сказала я себе.

В каком-то женском журнале мне попала статья профессора-психиатра с армянской фамилией о человеческой логике. Вскользь профессор упомянул о феномене, именуемом «женской логикой». «Принято считать, что женщины не обладают логическим мышлением, – заявил профессор. – Это далеко не так. Женщины обладают логикой. Но... это их собственная логика, отличная от мужской».

Статья мне очень понравилась. Мужская логика – это человеческая логика, а женская логика – это логика, присущая женщинам. Еще раз к вопросу о равенстве полов и шовинистической мужской логике!

– У меня в руке *«предмет икс»*, – бормотала я. – Куда я его спрячу? Он здесь, я ни за что с ним не расстанусь, я должна быть уверена, что с ним все в порядке, я хочу держать его на глазах. Итак... куда?

Это что-то знакомое, обычное, не бросающееся в глаза... скажем, фотография. Так куда же? В карманчик, пришитый изнутри платья – так бабуля Мария Александровна, мамина мама, прячет деньги от возможных грабителей; а еще за подкладку костюма или пальто...

Я, испытывая неловкость человека, подглядывающего в замочную скважину, открыла дверцу шкафа и отступила. Шкаф был забит одеждой! Платья, блузки, жакеты всех цветов радуги. Шелк, шифон, кашемир... Целое состояние! Ситников действительно ни в чем не отказывал жене.

Я прощупала все подкладки, швы, обшлага, воротники, потратив на это около часа. Ничего!

Потайной ящичек в бюро? Есть! Но... пусто! Ни открыток, ни писем, ни единого клочка бумажки – может, изъяли? Записной книжки, и той нет. Жаль.

Поехали дальше. Кровать! Под матрасом пусто. Обивка. Единственный предмет мебели, имеющий обивку, – кресло. Сработано на совесть – прочно, аккуратно. Не похоже, что

обивку трогали. Не отрывать же. Да и потом, нет чувства «горячо». Кресло ни при чем. Пусть живет.

Обувь. Бабуля использует под тайник также и свой старый сапог – хранит там позолоченную брошку и пару серебряных ложек. Я выдвинула нижний ящик шкафа, где были аккуратно уложены несколько десятков пар обуви на все случаи жизни. Нарядной, разноцветной, усыпанной блестками и стеклышками, отделанной бантиками...

Я опустила в кресло, потеснив кукол и медвежонка. Золотоволосая красавица в парчовом платье падает на пол. Я нагнулась, чтобы поднять ее, и вижу на белом ковре маленький блестящий прямоугольник, выпавший, видимо, из кармашка на ее платье. Поднимаю прямоугольник – это кусочек фотографической пленки, негатив. Бинго!

Я осторожно подняла его за уголок и попыталась рассмотреть на свет. Увы! Ничего не было видно. Какие-то люди... Я сидела и думала. Мой взгляд скользил по комнате. Красивые безделушки. Фарфоровая танцовщица на узком пьедестале... Пастельные краски, искаженные вытянутые пропорции – тонкая фигурка в лиловом платье, острые носочки, большие желтые цветки на обеих бальных туфельках. В руках гирлянда из все тех же желтых цветов. Лукавое лисье личико, нежная улыбка, опущенные глаза. Чудо, как хороша!

Танцовщица молчала, загадочно улыбаясь, смотрела на меня. Желтая роза в волосах... всякий раз другая, другой костюм, другой грим, другой парик, суть та же – актерка, иг-

ра, притворство, измена... неверный свет огней...

...Память – громадный блошиный рынок. Она, как Плюшкин, хранит все. Обрывки воспоминаний из детства – кусочки рассыпавшейся мозаики, чьи-то лица, божья коровка на листе лопуха, строчка из книги, голоса, запахи, разбитая коленка, травяной вкус семян-калачиков и зеленых яблок, прикосновение сухой и жесткой бабушкиной ладони, сильных рук мамы, холодной воды из-под крана, мой возмущенный вопль: «Зачем ты меня так сильно умываешь?», школа, тугие косички, тяжелый неуклюжий портфель, драка с мальчиком по кличке Мура-Лошадь, первая любовь... Ничего не пропадает, все распахано по полкам, до времени затянута паутиной. Покрыто пылью. Ждет своего часа. И помнишь, что, кажется, было, а где искать – неизвестно.

А то вдруг вспыхнет искра и откроется картинка, как стоп-кадр, – и так отчетливо, так явно высветится деталь, незамеченная в свое время, отпечатавшаяся бессознательно, что невольно задумаешься – зачем так сложен человек?

«Спасите меня, спасите!» Я словно услышала хрип-ловатый голос, как если бы женщина плакала или... Я осторожно положила добычу на туалетный столик и шарю в сумке, нащупывая мобильный телефон.

– Александр Павлович! – крикнула я, услышав сухое «я вас слушаю», обрадовавшись, что удалось прорваться, несмотря на важную встречу, на которую ссылалась секретарша. – Александр Павлович, а ваша жена курила?

– Нет. – Ни здравствуйте, ни до свидания. Не удивился, не переспросил. Молчит, ждет, дышит.

– А вы не помните, как звали подружку, которую вы как-то застали у жены, актрису? – Я сбавила тон.

– Не помню, – цедит он сквозь зубы.

– Спасибо. Извините, пожалуйста.

Он не ответил, и я услышала короткие сигналы отбоя. Положил трубку! Подумаешь, совещание у него! Для него же стараюсь. Ну и не надо!

Как работает мысль человеческая? Толчками, взрывами, вспышками, которые называют интуицией, догадкой, озарением... да мало ли как! Поскрипывая, крутятся большие и маленькие колесики в мыслительном механизме. Вдруг сцепились зубцами, высеклась искра, вспыхнул свет. И все встало на свои места.

Это же было ясно с самого начала! Они все описывали мне одну женщину, а ко мне приходила другая. Фотография? А что фотография? Я видела ее в темноте, на ней был и парик, грим, очки с затененными стеклами, высокий воротник. И голос... С хрипотцой, очень сексуальный. И как будто бы запашок табака. Некая стервозинка в манере держаться. Наигранность. Фальшь. Ясно как божий день! Это была не Елена. Это была другая женщина, которая назвалась Дианой.

В сумочке Елены нашли номер моего телефона, сработала заданность восприятия и выстроилась цепочка: звонок незнакомки, встреча в парке, смерть Елены и мой номер те-

лефона. Кроме того, у них было что-то общее, возраст, судя по фотографии Елены, они похожи – грим довершил картину... не знаю! Елена и Диана! Две совершенно разные женщины!

Спрашивается, зачем она приходила? Смысла в этом не было, во всяком случае, для меня. Таинственная незнакомка позвонила мне, зачем-то вызвала в парк, рыдала, заламывала руки и так ничего толком и не сказала. Потом поднялась, деловито промокнула глаза и ушла.

Похоже, подруга Елены, актриса, о которой говорил Ситников... Чьего имени он не удосужился узнать, ему было все равно, с кем дружит его жена...

Глава 4

На фоне Пушкина снимается семейство...

Я опоздала почти на час. Петруша, подменявший меня, открыл было рот для выражения недовольства, но передумал. Всмотрелся в меня и спросил:

– Ты чего это сияешь? Неужели от мужика идешь?

– Типун тебе на язык! – искренне пожелала я. – Можно подумать, так и счастья большего нет!

– А если не от мужика, то и опаздывать нечего, – резонно заметил Петруша.

Спокойный, немногословный Петруша был в свое время любимым дядиным учеником. Он прекрасно стрелял, водил машину, мог починить абсолютно все – от компьютера до дверного замка. С бумагами ему было сложнее, но тем не менее два заказа сегодня он принял и документы оформил.

– Извини, так получилось, – повинулась я.

– Смотри мне!

Неторопливо одевшись, Петруша попрощался и ушел.

«Наконец-то!» – сказала я себе и вытащила из сумочки конверт с находкой. Нечистая совесть содрогнулась при мысли о следователе Леониде Максимовиче Кузнецове, но я подавила сомнения в зародыше. Надо бы позвонить, кто ж спо-

рит! Но ведь отнимут же! В лучшем случае – скажут спасибо. А в худшем... Тут меня осеняет, что забирать негатив я, видимо, не имела права. Ведь существует определенная процедура – оформляется протокол, фотографируется место находки, да еще и понятые нужны. Все об этом знают из криминальных романов, из сериалов, из устного народного творчества, наконец! Но разве до всего этого, когда как гончая идешь по следу? Да... Придется отложить звонок до лучших времен. А еще Ситников! Ему надо бы сказать... черт! Ладно, додумаем потом.

Я вытряхнула из конверта кусочек пленки, осторожно ухватила за кончик купленным только что в киоске пинцетом для филателистов и попыталась рассмотреть на свет. Какие-то люди на улице, видны автомобиль, ворота? Или арка? Я положил негатив обратно в конверт...

Мастер фотоателье «Лариса», маленький лысый скучающий человечек, пообещал, что снимки я получу через два часа. Как удачно, что я заметила эту «Ларису» по дороге на работу, и вообще, тьфу, не сглазить бы, все как-то складывается...

Два последующих часа я не находила себе места. Я не сомневалась, что фотография – ответ на все вопросы, иначе бы ее не стали так хитроумно и одновременно наивно прятать. Я постояла у окна, выглянула на улицу. Там тем временем посветлело, туман испарился, и в воздухе замелькали легкие снежинки.

Я вернулась к столу, вытащила из сумочки зеркальце, при-
смотрелась. Глаза сияют, губы приоткрыты, яркий румянец
– хороша! Недаром Петюша решил, что я влюблена. А это
вовсе не любовь, а проснувшийся охотничий инстинкт. Да-
вай гони зверя! Еще одно усилие – и ты узнаешь правду!

Около трех звякнул колокольчик. Я оторвалась от бумаг,
за которые с трудом себя усадила. Вошел крупный подросток
в бесформенной одежде.

– Мне госпожу Берест, – сказал он прокуренным басом.

– Это я!

– Просили передать. – Пацан протянул мне плоский кон-
верт из плотной бумаги.

– Спасибо! – Я почти выдернула конверт из его руки. Се-
кунду спустя я уже рассматривала большую фотографию.
Общительный подросток с любопытством заглядывал мне
через плечо.

– Ваши родственники? Славные ребята! – прокомменти-
ровал он.

– Что? – Я посмотрела на мальчика, недоумеваю, откуда
он взялся. Я успела забыть о нем. Он улыбнулся и пожал пле-
чами. Я достала деньги из сумочки...

– Премного вам благодарны! – Мальчик шутовски отдал
честь и исчез.

Я вернулась к фотографии. «Что это? Чья-то шутка?» С
цветной фотографии на меня таранилось семейство толстя-
ков-людоедов: необъятные папа и мама и трое детишек-лю-

доедиков – старшенький, лет двенадцати-тринадцати, и девочки-близнецы лет трех-четырех, с сияющими глазами и улыбками до ушей. Все в ярких майках, в руках мороженое. На отцовской груди надпись «Batman forever», мама радуется портретом «Майти Мауса», а на детках красуются футболки с черепашками-ниндзя. Группа снята на фоне арки, увитой цветочными гирляндами, сооруженной в честь *«Двенадцатого Городского Фестиваля Молодежной Песни, 10 мая...»*.

И что дальше? Кто эти люди? При чем тут они? Я было подумала, что старый фотограф ошибся, и это какая-то посторонняя фотография, но нет, арку я помнила, арка была на негативе. Я задумалась. Показать фотографию Ситникову и спросить, кто это? Может быть, родственники? Если это родственники, зачем было прятать негатив? И придется объяснять, откуда взялся снимок, чего не хотелось бы. Так что фотографию пока не покажем, но вот кое о чем спросим. Я потянулась за телефоном.

– Александр Павлович, извините, это опять я. Мне нужно вас спросить о...

– Я занят! – рявкнул Ситников. – Будьте добры, не звоните мне сюда. Мне бы не хотелось отдавать распоряжение секретарше. Звоните домой. После десяти. Ну, в чем дело?

Я даже не обиделась, но пообещала себе, что припомню ему это при случае.

– Извините. Александр Павлович, а когда... умерла сестра

Елены Алина? Я имею в виду число, какого числа?

На другом конце провода молчали.

– Александр Павлович...

– Зачем вам? – отозвался он наконец. – Что вы затеяли?

– Мне нужно, пожалуйста!

– Десятого мая...

Я пробормотала: «Спасибо», – и повесила трубку. Десятого мая... Двенадцатый фестиваль! В прошлом году. Мне уже казалось, я знала... я догадывалась! Что еще могло заинтересовать Елену и вернуть ее к жизни, если не что-то, связанное с сестрой?

На фотографии дата смерти Алины – десятое мая. Семейство симпатичных троглодитов к Алине отношения, видимо, не имеет. А что имеет? Что-то другое. Например, автомобиль. Присутствие его разрушает алиби убийцы. Предполагаемого убийцы. Он утверждает, что не был в городе, а машина свидетельствует, что был. Или, если не машина, то человек. Засветился кто-то, кого там не должно быть. По той же причине. В каком-то криминальном романе использовался подобный сюжет. А откуда у Елены вообще этот негатив? Получила по почте от анонимного лица? Вряд ли. Не думаю, что анонимное лицо прислало бы негатив. Снято профессионально, не цифровой мыльницей. Может, уличный фотограф? Помню я эту арку, она была около центрального парка. Там еще стоял стенд с фотографиями и, кажется, будка фотографа. Но это летом... А сейчас зима. А какая, собственно,

разница? Зимой тоже найдутся желающие, тем более скоро Новый год, в парке елка, Деда Морозы, Снегурочки...

...Просто удивительно, как за пару часов переменялась погода. Поднялся ветер, туман рассеялся окончательно, показалось солнце. Ослепительно сверкая, проносились редкие снежинки. Первый по-настоящему зимний день!

К счастью, несмотря на «несезон», будка фотографа была открыта и стенды расставлены. Тут же стояли небольшая елка, увитая ритмично вспыхивающей гирляндой электрических лампочек, и две вырезанные из фанеры фигуры, громадная – Деда Мороза, и поменьше – Снегурочки. Сам хозяин в тулупе, валенках, с ватной, очень украшавшей его багровую физиономию бородой и в красном колпаке приплясывал и вопил простуженным басом: «А ну, кому на память, с Дедушкой Морозом и Снегурочкой! На-л-летай, ребята! У елочки! Около избушки!» Время от времени он уходил в будку греться. В один из таких моментов появилась я, приоткрыв дверь будки. В лицо мне пахнуло теплом, запахами еды и сигаретного дыма. Дед Мороз грелся не один. В гостях у него был такой же тип с ватной бородой и в красном колпаке, видимо, из соседнего киоска, продающего елки. Деда-близнецы держали в руках полные граненые стаканы. Почти пустая бутылка водки стояла на столе, там же – остатки нехитрой трапезы. Оба как по команде уставились на меня.

– Добрый день! – сказала я.

– Добрый! – хором ответили Деда Морозы. – Вам фо-

тографироваться? Я мигом! – засуетился тот, что был покрупнее. Он было поставил стакан на стол, но передумал, решительным движением опрокинул содержимое в себя, издав при этом что-то вроде «хэк-к». – Холодрыга, аж до костей пробирает!

– Мне не фотографироваться, – сказала я, – у меня к вам дело.

– Какое дело? – насторожился фотограф.

– Посмотрите, пожалуйста, вам эта фотография знакома? – Я вытащила из конверта знакомое семейство. – Это ваша работа?

Дед Мороз взял фотографию, поднес к лицу, внимательно рассмотрел и спросил:

– А чего с ними опять не так?

– А что с ними было не так?

– Ничего не было. Их еще Степа делал. А заказ не забрали. Фотография классная получилась. Ну, Степа ее и повесил на стенд – не пропадать же добру! Чтоб народ привлекать, значит. А девушка, черненькая такая, проходила мимо, увидела, еще тепло было, захотела купить, знакомые, говорит, сюрприз сделаю. И негатив попросила. Ну, еле нашел, отдал. Мы вообще храним только год, а тут больше вышло. Повезло!

– И что?

– Ничего. – Он пожал плечами. – Она заплатила, забрала карточки, негатив и ушла. А вы кто? Из полиции? Случилось

чего? – Он смотрел на меня во все глаза, опираясь на стену будки для удержания равновесия.

– А больше никто этой фотографией не интересовался?

– Нет вроде. Да что с ней такое, с этой фотографией?

– А когда выдается заказ, клиент расписывается на квитанции... – Я пыталась нащупать что-то...

– Где как. У нас все в ажуре! Вы из налоговой?

– А можно увидеть?

– Что – увидеть? – Он начал терять терпение.

– Квитанцию о выдаче заказа. – Я чувствовала себя покурачки. Фотограф смотрел укоризненно. – Пожалуйста! – Я открыла сумочку и достала кошелек.

– Да там и посмотреть-то нечего, – смирился Дед Мороз.

С трудом развернувшись в крошечной будке, он открыл металлический шкаф и принялся копаться там, бубня:

– Сейчас... сейчас... ага, есть, кажется... ну, вот, пожалуйста, квитанция, выдано Ситниковой Е. В., тут еще и адрес, надо же, а я и не видел, что она тут написала.

Я протянула ему фотографию Елены. Он взял ее обеими руками, поднес к лицу. Через долгую минуту сказал важно:

– Она! – И добавил: – Девушка, а может, с нами, это... с морозу? У нас и свеженькая есть, а, девушка? – Он умирал от любопытства.

Через его плечо выглядывал второй Дед Мороз с такой же умильной улыбкой на физиономии. Борода его перекосилась, колпак съехал на правый глаз – казалось, он подми-

гивает. Поддерживая приглашение товарища, он приветливо помахал здоровенным кулаком.

– Спасибо большое! В другой раз.

– Жаль, – разочарованно протянул Дед Мороз-фотограф, – а может, тогда снимок на память?

– Я еще приду, – утешила я Дедов Морозов. – До свидания.

– До свидания! – ответили они хором.

Некоторое время они смотрели мне вслед, а потом скрылись в будке.

* * *

«И что мы имеем на сегодня?» – как говаривал дядя Андрей Николаевич. Я, не торопясь, возвращалась в «Королевскую охоту», прижимая к себе сумочку с добычей. Охотница!

Снегопад усилился, превратившись в небольшую метель. Мне пришло в голову, что в языках северных народов много названий и эпитетов для обозначения снега и снежной погоды. Например: пурга, метель, поземка, буран, вьюга, снежная буря, снегопад. У эскимосов, говорят, таких слов около двухсот...

Я неторопливо брела домой, раздумывая о Елене, Диане, фотографии с датой смерти Алины...

Некоторое время впереди меня молча тащились два бес-

полых существа – одинаковые хвостики волос, перетянутые аптечными резинками, торчащие из-под одинаковых синих вязаных шапочек, бесформенные длинные куртки и широкие боцманские штаны.

– Отфакуйся! – вдруг отчетливо произнесло одно из существ, ускоряя шаг.

Займствованный англицизм, получивший статус в великом и могучем, а заодно приставку и суффикс. Взаимопроникновение культур. Культурный обмен. Дешевые блокбастеры, лежалые сникерсы, обнаженная натура в витрине каждого киоска. Нищие, беженцы, детская проституция, наркотики, бандитизм, рэкет. Богатые и бедные. Так и живем...

* * *

– Вернемся к нашим баранам! – сказала я себе. Уселась за свой рабочий стол, выложила из сумки трофеи. Итак, что же мы имеем на сегодня?

«Мы имеем покражу периодических органов печати» – вспомнилась мне любимая цитата друга сердечного Юрия Алексеевича из сатириков-классиков.

Мы имеем фотографию с датой «десятое мая»... Мы узнали, откуда она взялась. Мы знаем, как она попала к Елене. Елена заметила фотографию случайно, проходя мимо стенда, и узнала на ней... кого? Или что? Пока неизвестно. Она покупает эту фотографию с целью выяснить нечто, связан-

ное со смертью сестры. Добросовестно пишет на квитанции не только свое имя, но и адрес. Кто хочет, может запросто найти. Как я сегодня. А может, она сделала это намеренно? Зачем? Что же она задумала, эта наивная глупенькая девочка?

А что случилось потом? Потом она, видимо, попыталась выяснить что-то, связанное с фотографией. Каким образом? Разные есть способы... Можно, например, встретиться с человеком и спросить в лоб: «Вы не могли бы мне объяснить, каким образом на этой фотографии...» Пока неизвестно, кого и о чем нужно спрашивать. Чтобы решиться на личную встречу, нужна известная смелость. Не похоже, что Елена пошла бы на таран. Можно рассказать о своих подозрениях мужу. По неизвестной причине Елена этого не сделала. Хотя почему неизвестной? Причина лежит на поверхности: ему понятно, что она ему не доверяла. Еще можно послать фотографию по почте...

Кому послать? Как она вообще узнала, кому именно нужно послать фотографию? Нет ответа. Узнала... как-то. А это значит, что был тот, кого она подозревала в убийстве сестры, и, допустим, послала ему фотографию. Гипотетически. И написала, что... Я задумалась. А что бы написала я сама? Вы убийца? Я все знаю? Теперь вы за все ответите? А с другой стороны, можно ничего не писать, кому надо – поймет без лишних слов, увидев дату. Поймет и... что? Что он делает? А сделать тут можно только одно – попытаться узнать,

кто отправитель

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.